ОГОНЕК
3

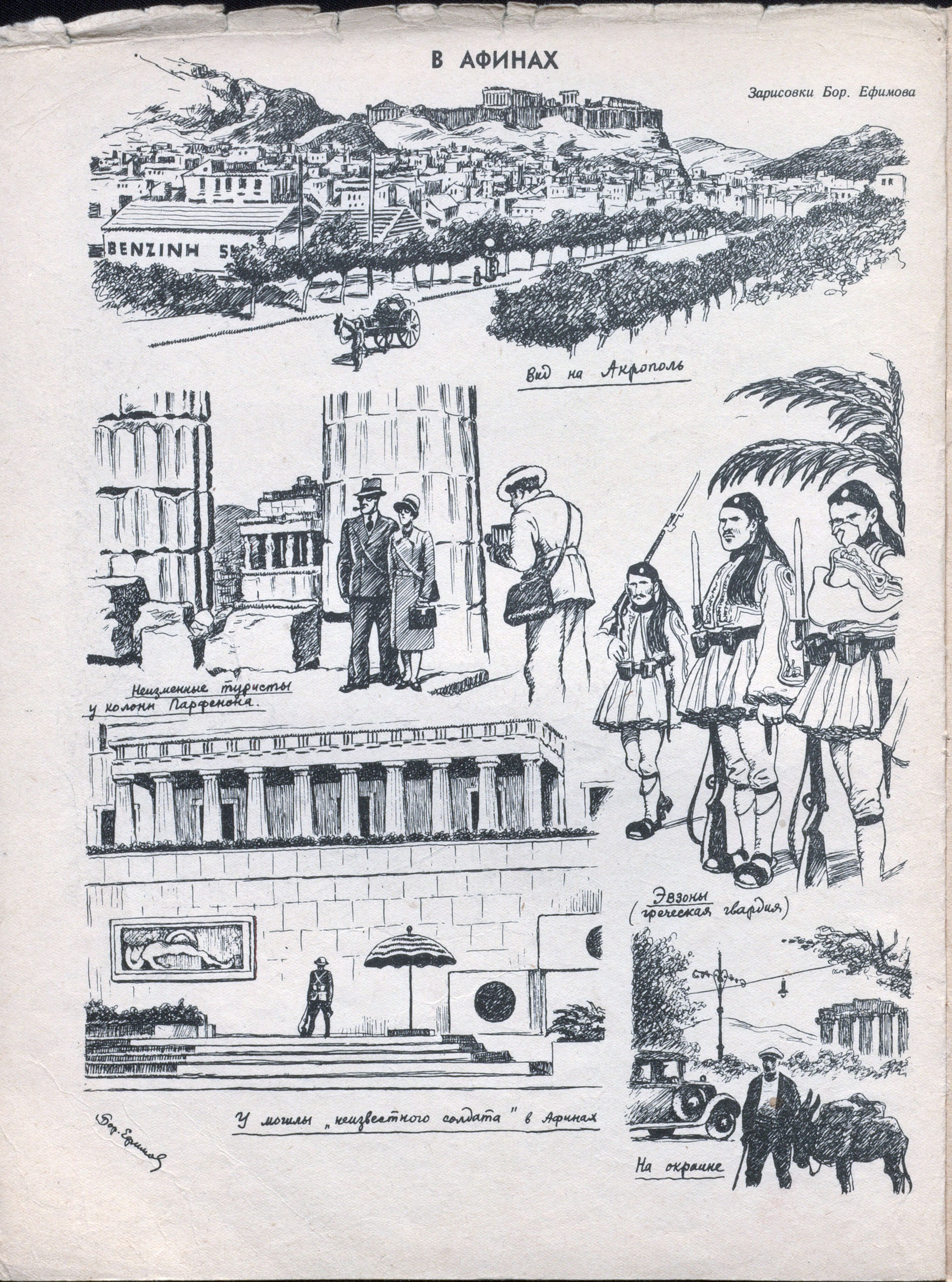
Ванда Василевская: „Страницы прошлого". Новая повесть.

Ф. Кнорре. „Человек, поющий вполголоса"★ Дневник войны. Борьба за Средиземное море★

„Модуль-1"- высокий класс точности! Смотри фотоочерк М. Альперта „Техника и люди"

В АФИНАХ

Зарисовки Бор. Ефимова

Вид на Акрополь

Неизменные туристы у колонн Парфенона.

Эвзоны (греческая гвардия)

У могилы „неизвестного солдата" в Афинах

На окраине

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

19-й ГОД ИЗДАНИЯ

Выходит три раза в месяц

№ 3 (726)

Четверг, 30 января 1941 года

В НОМЕРЕ:

Вышла очередная книжка библиотеки «Огонек».

Заместитель председателя Совета Народных Комиссаров СССР и председатель Комитета Обороны при Совете Народных Комиссаров СССР маршал Советского Союза Климент Ефремович Ворошилов.

К 60-летию со дня рождения.

Фото П. Кулешова.

Снимок сделан в ноябре 1940 года.

БОЛЬШОЙ СЕРДЕЧНЫЙ ЧЕЛОВЕК

П. Жидков

В нашей столовой на стене висит гитара, на которой после обеда любил поиграть Климент Ефремович, насвистывая при этом русские народные песни.

В комоде, бережно завернутая в платок, лежит золингенская бритва. Не так давно снес я ее к мастеру направить и сказал ему:

— Вы уж того, поосторожнее! Ею брился Ворошилов!

С Климентом Ефремовичем мы познакомились давно — больше четверти века назад.

В 1914 году я проживал в Царицыне, на Пушкинской улице, в доме № 10, у Борисовой. Служил тогда на складе, так как по болезни оставил работу на заводе. Пришел как-то к нам во двор среднего роста, крепкоплечий, ладно скроенный человек, просто, но акуратно одетый. Показал рукой на сваленные ящики, спросил:

— Продадите мне несколько? Сколько возьмете? Для книг надобно.

— Это ящик заказной. Шесть гривен ему цена.

Показались соседу дорогими мои ящики, не взял их, ушел.

Вскоре он переехал в дом Борисовой, где снял комнату. Коридор общий. Стали захаживать друг к другу. Так вот и подружились. Рассказал мне луганский слесарь, что после ссылки царская охранка, преследуя его по пятам, не дает ему возможности жить на родине—в Донбассе—и он вынужден был приехать сюда, в Царицын. В Царицын приехала и жена его Екатерина Давыдовна.

К Ворошилову частенько заходили старые луганцы. Засиживались допоздна, вели душевные, простые разговоры. Говорили, конечно, и о войне.

— Эта война в интересах буржуазии,— твердо заявлял Ворошилов,— мы друзья с германским народом. Я возьму винтовку, когда начнется война против помещиков и фабрикантов. Я за революционную войну.

Что меня поражало, — это обилие книг в комнате Климента Ефремовича. Они лежали всюду: и на полке, и на столе, и даже под кроватью.

В Царицыне Ворошилов работал на машиностроительном заводе. Вскоре рабочие выбрали его членом правления потребительского общества. Под легальной вывеской этого общества Климент Ефремович проводил большую революционную, большевистскую работу. Часто приходили они к нему на квартиру, беседовали, слушали его яркие слова о недалеком светлом будущем для трудового народа. Климент Ефремович и меня убедил пойти работать в кооператив.

Домик, где провел детство К. Е. Ворошилов.

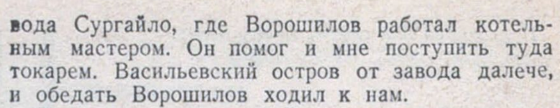
Центральный музей РККА.

Как-то летом мы отправились с ним гулять. Царицын в ту пору был грязным городком, с невзрачными халупами, покосившимися избенками, в которых жили рабочие и ремесленники, но на берегу реки красовались дворцы — Голдобиных и Ворониных, именитых волжских воротил. Шли мы берегом Волги. К особняку Воронина лихо подкатила пролетка, запряженная парой рысаков.

— Эх, я враг частной собственности,—заметил Климент Ефремович. — Не может же это долго продолжаться,— он даже приостановил шаг,— по-ни-маешь, не мо-жет! И заживут тогда в этих домах рабочие. Да зачем в этих домах? Новые воздвигнем, да такие, что матушке Расее не снились! Ца-ри-цын! Подумаешь! Может, и город назван будет иначе!

В 1915 году товарищ Ворошилов переехал в Петроград. Скоро он вызвал и меня в Питер. С вокзала мы с женой Александрой Михайловной приехали прямо к нему на Васильевский остров и прожили там некоторое время, пока я не подыскал себе квартиру вблизи механического за-

вода Сургайло, где Ворошилов работал котельным мастером. Он помог и мне поступить туда токарем. Васильевский остров от завода далече, и обедать Ворошилов ходил к нам.

Помню, как товарища Ворошилова чуть не погубил провокатор. Дело было так. Климента Ефремовича часто навещали товарищи по подпольной работе, а провокатор хитро втесался к ним. Однажды ночью заявилась полиция. Начался обыск. Бумаг, книг, которые могли скомпрометировать, обнаружено не было (они хранились в надежном месте). Но на столе лежала фотография членов Государственной думы — большевиков. Одна эта фотография была бы достаточным поводом для ареста. Полицейские кинулись вначале к книжной полке. Как ни в чем не бывало стоявший у стола Ворошилов скатал снимок в трубочку, но убрать его не удалось. В этот момент к столу подошел пристав, отшвырнул трубочку в сторону и стал рыться в ящике. Ворошилов был спасен. Полиции пришлось уйти ни с чем.

После февральской революции Ворошилов стал готовить рабочих к дальнейшей борьбе за власть советов. Он выступал в казармах. Рабочие завода Сургайло единогласно выбрали в Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов Климента Ефремовича, чей авторитет был велик в рабочей массе. Я горжусь тем, что 23 года назад на выборном этом собрании первым назвал имя Ворошилова.

★

В 1918 году я снова жил в Царицыне. Как-то днем к нам домой зашла женщина. Моя жена так и всплеснула руками:

— Екатерина Давыдовна, голубушка, какими судьбами?

Екатерина Давыдовна объяснила, что приехала в Царицын ждать Климента Ефремовича, прорывавшегося с пятой армией к осажденному городу. Для того чтоб меньше обращать внимание соседей на новую нашу жилицу, мы порешили выехать в степь. Втроем мы занялись здесь огородничеством: копали землю, сажали помидоры, картофель.

Однажды, вернувшись из города, я не застал Екатерины Давыдовны. С волнением спрашиваю Александру Михайловну. И она отвечает: отлучалась, дескать, на базар, пришла,— Кати уже нет, сама не знаю, чего думать. Только к вечеру от соседского мальчишки узнали, что «за тетенькой приходил красивый дяденька, в кожаной тужурке, со шпорами, с большой красной звездой на фуражке». Неужели, думаю, Климент Ефремович?

На утро приехала счастливая Екатерина Давыдовна и увезла мою жену к себе, а через несколько дней и я был в гостях на Московской улице, в штабе Ворошилова. Встреча была необыкновенно радостной. Много говорили мы тогда, вспоминая дореволюционную жизнь.

— Признайся,— сказал он вдруг со смехом,— содрать ты с меня хотел тогда за ящики, а?

— Правильную цену назвал, Климент Ефремович. Но если б в ту пору знал, кем ты для меня станешь, не только ящики — душу свою отдал бы за тебя.

Ознакомил он меня с обстановкой и, прощаясь, сказал:

— Мы победим, Петр, мы непременно победим! Ведь ты понимаешь, Ленин руководит нами, Ленин! А сюда, в Царицын, он прислал на помощь Сталина, лучшего своего соратника.

Я хорошо помню горящие, вдохновенные глаза командарма.

Много времени прошло с тех пор, но товарищ Ворошилов не забыл ни меня, ни жену мою. Мы переписывались с ним, а в 1935 году Александра Михайловна была в Москве, и Климент Ефремович ласково, по-приятельски ее встретил и пригласил к себе домой. Так же дружески встретила ее в прошлом году Екатерина Давыдовна (Климент Ефремович был в отъезде).

...В дни отдыха садимся мы с семьей у стола. Старшая дочь Люба снимает гитару и играет песни, которые мы с женой подсказываем ей. Люба играет русские народные песни. А мне чудится голос Климента Ефремовича:

— Ца-ри-цын! Подумаешь! Может, и город назван будет иначе!

Все, совершенно все стало так, как предсказывал он: в особняке Воронина Дворец пионеров, Царицына не узнать, во всей стране «воздвигнуто такое, что матушке Расее не снилось», и город наш назван именем Сталина.

(Рассказ Петра Васильевича Жидкова, токаря механической мастерской Сталинградской пристани, записал М. Альтшулер).

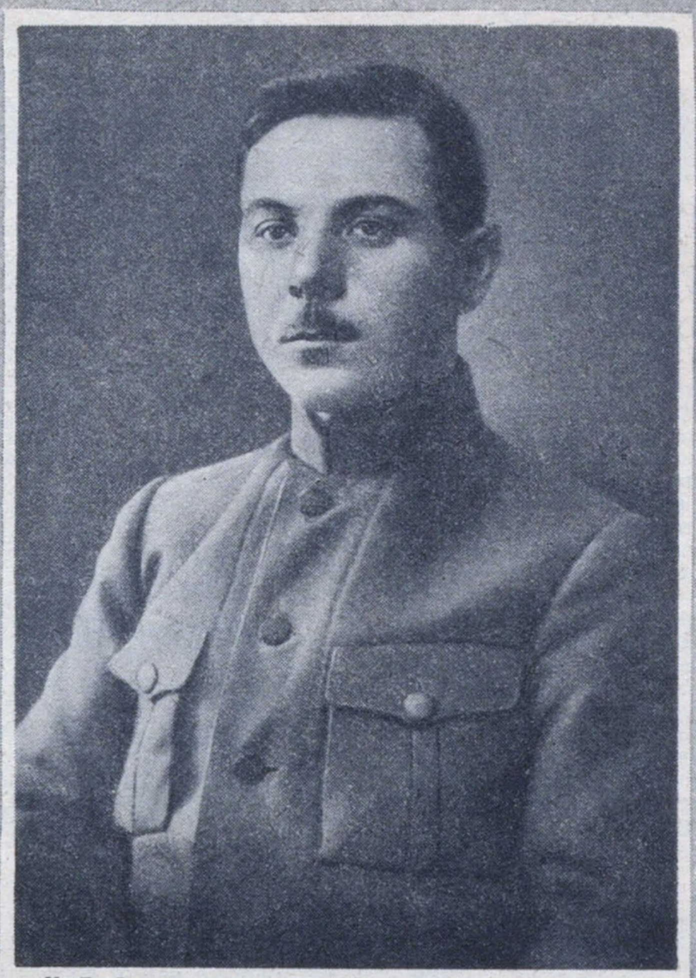
Семья Жидковых.

Фото Б. Градова.

В музеях Сталинграда, а также в Центральном музее РККА хранятся редкие фотографии, отражающие отдельные моменты жизни Климента Ефремовича Ворошилова. Воспроизводим три таких фотографии.

Климент Ефремович Ворошилов с женой Екатериной Давыдовной в период ссылки в Архангельской губернии. 1910 год.
Центральный музей РККА.

К. Е. Ворошилов в 1918 году в Царицыне, в период командования X армией.
Сталинградский музей имени И. В. Сталина.

Товарищи Ворошилов и Буденный в станице Лабинской в 1922 году.
Неопубликованный снимок.
Сталинградский областной музей краеведения.

К. Е. Ворошилов. 1935 год.
Фото И. Шагина.

Страницы прошлого

Ванда Василевская

ИЛЛЮСТРАЦИИ ХУД. Л. БРОДАТЫ.

I

Это был большой трехэтажный дом в предместье Кракова—первый дом, который я помню.

Он вырос среди маленьких, прижавшихся к земле домишек рабочей бедноты, торчал высоко над ними башней своих трех этажей. Вокруг большого дома тонули в грязи узкие немощеные улички: единственной мостовой была дорожка через двор, выложенная каменными плитами.

Мы жили на третьем этаже. В первом занимал квартиру сам домовладелец. Сейчас я не помню, как он выглядел на самом деле: моим трех- и четырехлетним глазам он казался огромным, как гора, и круглым, как полная луна.

Рядом с хозяином дома я неизменно вижу собаку, большого лягавого пса Париса.

Парис владычествовал во дворе. Он испытывал непреодолимое отвращение к бедно одетым людям, к уличным торговцам, к нищим. Здесь, в грязном предместье, он зорко сторожил двор этого выделяющегося на общем фоне каменного дома. Его мрачный глубокий бас повергал в страх проходивших мимо детей. Страх перед Парисом охватывал и нас, обитателей третьего этажа. Моя маленькая сестричка, лежа в коляске на балконе, заливалась плачем, когда внизу раздавался лай.

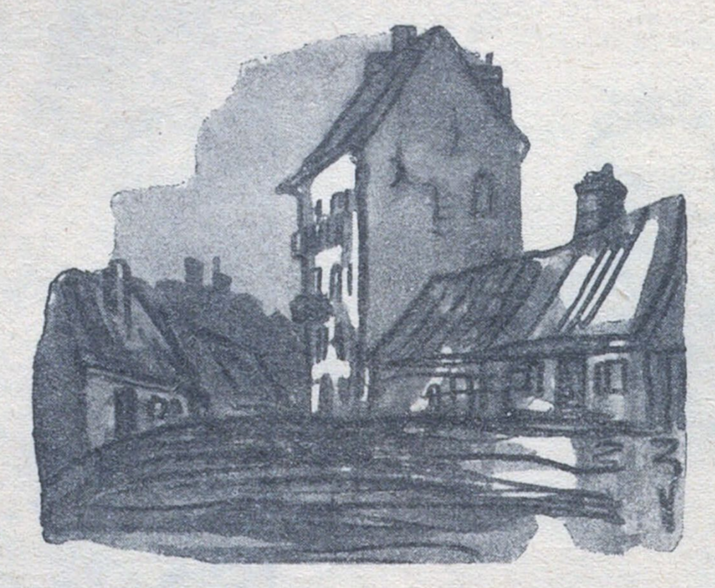
Парис мог устеречь двор, мог устеречь лестницу, ведущую в квартиру господина Чапуровича на первом этаже, но не мог устеречь меня. А дело сложилось как раз так, что мои симпатии были прямо противоположны симпатиям пятнистого тирана.

Господин Чапурович... огромный, как гора, и грозный, как дракон.

В семье нас было три сестры. Одна была старше меня на шесть лет и не обращала внимания на такого сопляка, как я. Младшая лежала в конвертике—тоже невелика радость!

Но там, за стенами трехэтажного дома, так и роились дети. Они бегали по узким уличкам, возились в грязи, влезали на крыши сараев, гоняли голубей, пели песенки, ссорились, дрались, наполняли шумом таинственные закоулки между маленькими домиками.

Вокруг большого дома тонули в грязи узкие немощеные улички...

С этого номера «Огонька» мы начинаем печатать новую повесть Ванды Василевской — «Страницы прошлого». Повесть печатается с небольшими сокращениями.

Повесть эта — воспоминания писательницы о ее детстве, юности, участии в революционной борьбе. Отдельной книгой «Страницы прошлого» будут изданы Детиздатом ЦК ВЛКСМ.

Из окна третьего этажа можно было наблюдать их иную, изумительно интересную жизнь. Им все разрешалось: им разрешалось щеголять босиком, когда уже седой инеей оседал по утрам на черных крышах, разрешалось бегать за покупками в лавочку на угол, разрешалось лепить пироги из глины, разрешалось ходить в мороз без пальто, разрешалось скользить по замерзшим канавам на искривленных каблуках башмаков, разрешалось оставаться на улице вечером, когда сонным светом загорались мутные стеклышки газовых фонарей.

Сначала трудно было различить в этой толпе отдельных мальчиков и девочек. Их всегда бывала целая стая, всегда они одинаково шумели. Но понемногу из толпы стали выплывать отдельные фигуры: какая-то девочка с торчащими косичками; другая, которая шлепала по грязи огромными, не по росту башмаками, башмаками взрослого человека; рыжий любитель голубей, который мог свистать им целыми часами; и, наконец, Антек.

Потом, когда я уже знала, как его зовут, я так и не могла понять, как могло случиться, что я не заметила его с самого начала. Ведь это сразу бросалось в глаза: здесь было множество, бесчисленное множество мальчиков и девочек, но самым главным был Антек.

И так думала не только я: с этим соглашались все дети там, внизу, куда я смотрела из окна комнаты на третьем этаже. Это он управлял всей толпой, он отдавал приказания, командовал во время игр, разрешал споры и являлся предводителем великих походов, которые с криком направлялись в тесные улички. По его свистку пустой перед тем закоулок моментально наполнялся массой ребят. Как из-под земли появлялись юркие фигурки и без оглядки мчались на место сбора. Антек имел право ругать их, и это не приводило к драке. Антек имел право разнимать дерущихся, и никто не давал ему тумака, чтоб не вмешивался не в свое дело. То и дело слышалось имя «Антек», склоняемое во всех падежах. Да, безусловно, это он правил детьми предместья.

Грязная уличка казалась мне с третьего этажа раем, обителью счастья, Антек—каким-то сверхъестественным существом. И для меня стало недостаточно только выглядывать в окно, что, впрочем, тоже было строго запрещено, так как я обнаруживала постоянную тенденцию к тому, чтобы бо́льшая часть моей особы находилась снаружи, по ту сторону окна, где утопал в грязи детский рай.

Нужно было придумать что-то другое. О том, чтобы попасть на уличку, не могло быть и речи. Фасад и ворота дома выходили совсем в другое место, и я не имела понятия, как можно было бы попасть на противоположную сторону. Зато оказалось, что окно лестницы в первом этаже очень доступно: можно усесться на подоконнике, и тогда не только все чудесно видно, но можно даже вести переговоры.

Я не помню, как это началось, знаю только, что с того дня, как я перенесла наблюдательный пункт на лестницу, я погибла.

Да, Антек правил всеми, но несмотря на это он не был так горд, чтобы не разговаривать со мной. Ах, как он чудесно выглядел в обтрепанных коротких штанах, с измурзанным лицом, с жесткой щетиной коротко остриженных волос! Никто не умел так, как он, перескакивать через огромные лужи, никто так метко, как он, не умел попадать комьями грязи в стену нашего дома. К этому дому все дети испытывали одинаковую ненависть, к дому и к его владельцу—господину Чапуровичу. Разумеется, эта ненависть обитателей разваливающихся деревянных домиков передалась и мне. Я мечтала о том, чтобы мне можно было, как им, антековой команде, подстеречь господина Чапуровича за углом и запустить комком грязи в его широкую спину, прикрытую новехоньким пальто.

Из окна третьего этажа можно было наблюдать их иную, изумительно интересную жизнь...

Началось с разговоров, затем постепенно я начала сходить на путь преступлений. Сначала медленно и незаметно... Это было пирожное, которое я спрятала во время завтрака, кусочек сахару, конфета или яблоко, которые предназначались мне. Все это падало из окна в подставленные грязные горсти Антека. Потом игрушки, потом все, что попало. Я думаю, что если бы Антек велел мне сбросить вниз шкаф из квартиры, я задумалась бы лишь об одном: как это технически выполнить?

Калоши отца, носовые платки, нож для разрезывания книг — дети внизу одинаково радовались всему. И добросовестно, честно старались отплатить мне. Они не нуждались в милостыне и подачках. Доставка снизу наверх была, конечно, труднее чем сверху вниз, но Антек придумал способ: веревочка. Совет был хорош, но что сказать дома: на что мне понадобилась такая длинная веревка?

И Антек ловким броском закинул наверх камень с привязанной к нему веревкой. Остальное было очень просто: только спустить вниз веревочку — и поднимать вверх великолепные дары... Разноцветные, витые, как елочные свечи, длинные конфеты, которые мазали лицо красным и желтым. Сколько раз я видела эти конфеты, разложенные на уличных лотках, они были для меня недосягаемой мечтой: «Крашеные, можно отравиться». Там, на лестнице, они были вкуснее всего и, как показал опыт, не отравляли... Круглые металлические свистульки, тоже антигигиеничные, потому что их надо было брать в рот, помещая весь кружок между губами, — тогда они свистели, по меньшей мере, как локомотив!

Я чувствовала себя вечным должником компании с грязной улички. Как же: какие-то калоши, какие-то глупые куклы — как можно сравнить это с конфеткой краснее мака и свистком громче паровоза!

— Приходите ко мне! — агитировала я детей.

Но они пожимали плечами. Между калиткой с улицы и подъездом дома стояло ведь непреодолимое препятствие — Парис. Парис, который не выносил босых ног, обтрепанных штанов и голов, не покрытых шляпами. Ну, а еще ведь был господин Чапурович, огромный, как гора, и грозный, как дракон. Из-за хозяина и его пса дети с грязной улички были для меня недоступны, и я могла лишь смотреть из окна, как в другой чудесный мир, на их игры, принимая в них участие только взглядом да голосом.

И в конце концов Парис и господин Чапурович навсегда разлучили меня с Антеком и его компанией.

На краю оврага стоял дом, в котором мы жили...

Однажды маленькая девочка принесла кому-то из квартирантов платье от портнихи. Маленькая девочка из домиков на грязной уличке. А Парис не любил рваных башмаков и обтрепанных платьев. На отчаянный крик ребенка выбежал дворник и вырвал девочку из лап разъяренного пса. У нее были искусаны обе руки. Господин Чапурович хотел отделаться какими-то грошами. Мои родители посоветовали отцу изувеченной девочки, чтобы он передал дело в суд, тем более это был не первый такой случай. Отец девочки выиграл дело — хозяин собаки вынужден был оплатить стоимость лечения, уплатить за испуг и боль. А нам пришлось съехать с квартиры.

Когда я ехала на извозчике на новую квартиру, Антек и его друзья провожали меня с большим шумом до самого моста старой железной дороги, которая отделяла предместье от города. Мелькали по грязи босые, красные от холода ноги, махали вечно грязные руки, дикий крик останавливал прохожих.

У моста дети остановились. Здесь кончалось их царство. Я переезжала в неведомые им дальние страны. Проводили как следует — и довольно. Вернулись в свою грязную уличку, уличку моей мечты, навсегда исчезли из моей жизни.

Навсегда ли? Много, много лет спустя, когда я стала уже совсем взрослой, я несколько раз бывала в том предместье, которое покинула пятилетней девочкой. Я выступала на собраниях, на митингах, на лекциях. Все так же стоял большой дом господина Чапуровича, и так же теснились вокруг него маленькие домики, все такая же грязь покрывала узкие, тесные улички. Я не знаю, был ли Антек среди моих слушателей, и не знаю, вспомнил ли он маленькую девочку, которая всем сердцем когда-то принадлежала к его подданным. Но я думала тогда именно о нем — первом пролетарском ребенке, с которым я встретилась на своем жизненном пути. И, говоря о недоле, о борьбе, я думала о них, о детях с грязной улички, которые выросли так же, как и я, и многие из которых так же, как я, пошли по пути борьбы.

II

Война 1914 года застала нас в деревне. В первых числах августа мои родители и старшая сестра уехали, оставив меня и младшую сестру на попечение бабушки, почти восьмидесятилетней старушки.

Деревня была чудесная. Потом, будучи уже взрослой, я поехала туда, чтобы проверить детские воспоминания. И оказалось, что память не обманула меня: место это действительно было прекрасно.

Горный поток веками долбил себе долину меж гор. Образовался глубокий яр длиной в несколько километров. Горные хребты по обе его стороны поросли лесом: на вершинах — ели и буки, ниже, куда достигало влажное дыхание потока, — ольховые рощи. Между лесом и рощами люди выстроили себе на склонах гор дома. Маленькие поселки по нескольку домов, разбросанные на протяжении мили. Вдоль потока пролегла дорога.

Летом поток превращался в узенькую, извивающуюся ленточку. В чистой воде мелькали форели. Осенью и весной поток прибывал, разрастался, ревел, как настоящая река, подмывал деревья, заливал луга. Зимой он замерзал у берегов, но посередине всегда текла журчащая, вечно живая струйка воды.

На краю оврага стоял дом, в котором мы жили. Дальше уже открывалась широкая долина, посреди которой протекала река. На горизонте темнели покрытые лесами горы, а если взойти повыше нашего дома, в ясный, солнечный день можно было увидеть далеко-далеко зубчатую цепь Татр. Они вырисовывались на небе, как серебристая апликация.

Здесь было все. На склонах, среди куч серых камней, росла крупная сладкая земляника, в старой каменоломне кустилась колючая ежевика, черешневые рощи покрывались летом красными ягодами. Цвели желтые кувшинки над маленькими ручейками, пылала осенью калина, зимой бесчисленные дорожки заячьих следов во всех направлениях пересекали поверхность снегов. В каждом уголке, в каждом месте можно было всякий день открыть что-нибудь новое. У старой мельницы, в ямках, вырытых в прибрежной гальке, сидели большие темные раки. В густом малиннике можно было неожиданно наткнуться на маленькую серну, которая, заметив человека, в испуге кидалась прочь. В дуплах деревьев гнездились пестрые дятлы. В ольшаннике над рекой кричали сороки в лохматых, как огромные шапки, гнездах. В каждом кусте, в каждой расщелине дерева ютилась в начале лета птичья семья: разинутые клювы птенцов, трепыхание крыльев, черные бусинки любопытных глазок...

На крутых склонах виднелись крошечные крестьянские поля. Узенькие полоски, квадратики, треугольнички... Там и сям чернеют кучки камней: во время пахоты их выбрасывают из земли и складывают в определенном порядке. На полях росли картофель, невысокая рожь, низенький овес, благоухал красный клевер. С трудом, с огромными усилиями возделывались эти поля, не всюду мог добраться конь и плуг. Да и не в каждом доме был конь. Селение было бедное — горная деревушка на тощей, каменистой земле.

На совет собрались бургомистр, ксендз и несколько владельцев вилл...

В деревне почти совсем не было мужчин. До войны многие уезжали в Америку, чтобы там, в лесах, на рудниках, на фабриках, заработать немножко денег. Война и набор в армию австрийского императора забрали оставшихся. Вот и работали одни женщины: пахали, сеяли, копали — с нечеловеческими усилиями коекак справлялись с хозяйством. Войска реквизировали коров, хлеб, картофель; война объедала и без того уже голодную деревню. Дети ходили покрытые нарывами: им не хватало необходимой пищи. Не было хлеба, не было жиров, не было ничего.

И все же я вспоминаю те три года, как прекрасный период, период, который многому меня научил, навсегда остался в памяти и повлиял на всю мою дальнейшую жизнь.

Деревенские женщины делились с ранеными своим крошечным богатством...

(Продолжение на стр. 21).

Техника и люди

Фотоочерк М. Альперта

«Мы отстали от передовых стран на 50 — 100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет... — говорил товарищ Сталин на Первой всесоюзной конференции работников социалистической промышленности 4 февраля 1931 года. — ...Большевики должны овладеть техникой... Техника в период реконструкции решает все».

Московский инструментальный завод, как и все передовые предприятия нашей страны, прекрасно иллюстрирует поставленный и блестяще разрешенный товарищем Сталиным исторический вопрос. Завод оснащен совершенным оборудованием, сложнейшими станками, высококвалифицированные рабочие стоят у этих станков. Лекальщики и шлифовщики используют для расчетов сборники тригонометрических таблиц, умело пользуются оптическими приборами. Завод выпускает такой точный инструмент, как шевер «Модуль 1» для обработки зубьев шестеренок (см. обложку этого номера «Огонька»).

Сотни рабочих и служащих завода прошли обучение на многочисленных курсах, не отрываясь от производства, они учились в высших учебных заведениях, школах стахановцев. Они вносили рационализаторские предложения, двигавшие технику вперед. Новая техника, люди, овладевшие этой техникой, принесли славу фабричной марке завода.

Раньше инструмент изготовлялся целиком из дорогостоящей инструментальной стали. Лаборатория завода предложила использовать дешевую сталь для изготовления неработающей части инструмента. Реализация этого предложения дает 35—40% экономии ценного металла. На снимке показан момент сварки поделочной дешевой стали с инструментальной сталью.

Ролик, накатывающий многониточный шлифовальный камень. Раньше камень накатывался только одной гранью. Применение ролика в 10 раз увеличило производительность труда на черновой шлифовке.

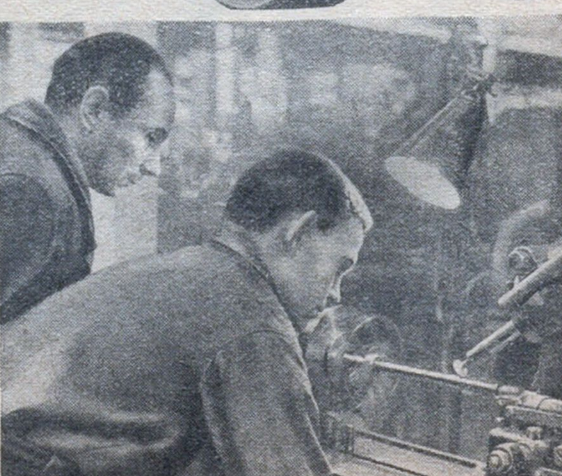
За 10 месяцев 1940 года изобретатели и рационализаторы завода внесли больше 300 предложений. 122 предложения уже приняты. Они дадут 350 тысяч рублей экономии.

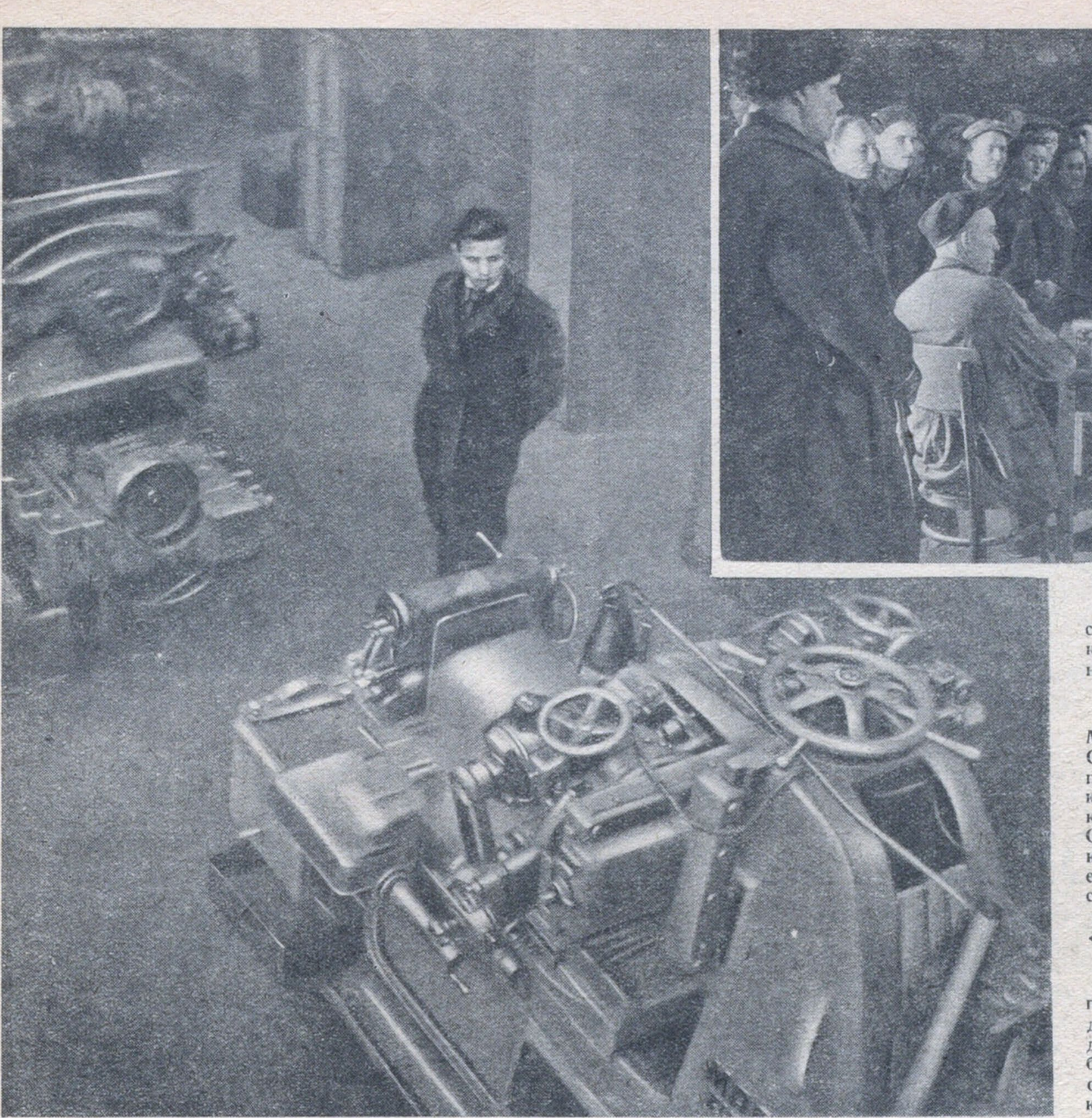
Бывший токарь, начальник цеха протяжного инструмента тов. А. Н. Антонов награжден орденом Трудового красного знамени за новаторство в технике. Протяжка — высокопроизводительный инструмент, применяющийся при обработке втулок (изготовленный по методу тов. Антонова), — не только экономит 50% металла, но и лучше протяжки, изготовленной по старому методу. ↓

Постоянные кадры рабочих, люди, преданные своему производству, — это самый ценный капитал, накопленный Московским инструментальным заводом. До 150 человек работает на заводе 15 лет, больше 500 человек работает 10 лет.

Высококвалифицированные рабочие, мастера, испытанные командиры производства передают свои знания молодым товарищам, только что пришедшим на завод. НА СНИМКЕ: мастер Н. Г. Иванов, работающий на заводе 20 лет, инструктирует молодого рабочего С. М. Березовского. →

↑

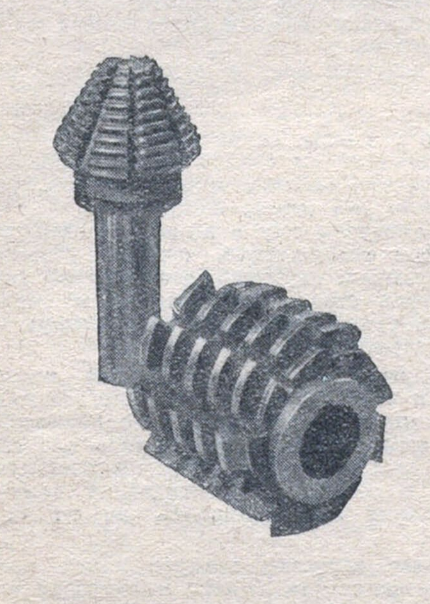
Производственное совещание в стахановском цехе протяжного инструмента. Руководит совещанием директор завода орденоносец А. М. Симонов.

Ответственна работа многостаночников Московского инструментального завода. Сложные и точные станки требуют особо пристального внимания. 79 многостаночников завода — это люди, овладевшие техникой, в совершенстве знающие станок. НА СНИМКЕ: один из лучших многостаночников завода Я. М. Лякишев. Он обслуживает два зубошлифовальных станка. Каждый станок дает 140% месячной нормы.

←

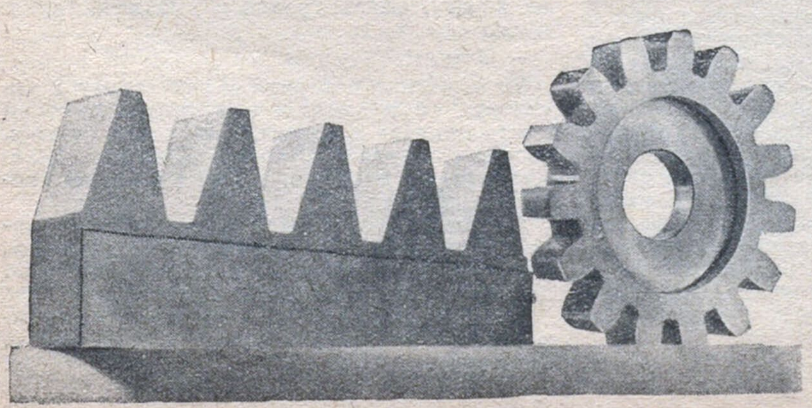
Много технических задач разрешено в повседневной практике. Но коллектив завода не останавливается на достигнутом, а двигается дальше, вперед. Свободное от работы время слесари, токари, лекальщики отдают учебе. НА СНИМКЕ: занятия на курсах мастеров социалистического труда.

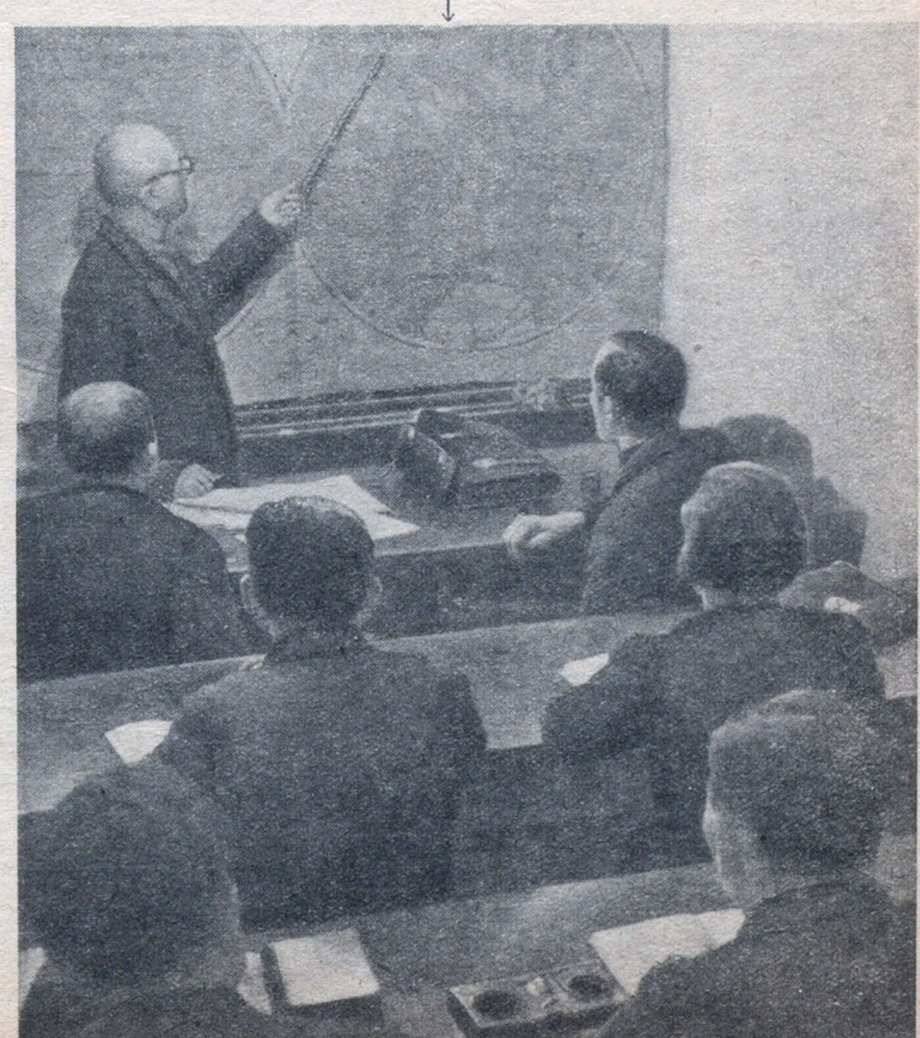
↓

Слева и вверху: режущие инструменты. Внизу: инструменты для нарезки зубьев шестеренок — гребенка и долбяк.

ЧЕЛОВЕК, ПОЮЩИЙ ВПОЛГОЛОСА

Ф. Кнорре

РАССКАЗ

Иллюстрации худ. Ю. Цишевского.

Люди в горах выходили по ночам из домов и тревожно вглядывались вдаль.

За темными массивами гор, разгораясь все ярче, разливался красный отсвет громадного зарева.

Война, выйдя из берегов, огненным половодьем затопляла поля и города рухнувшего польского государства. Уже близко, у самых подножий Карпат, первые авиобомбы рвали каменистую землю.

Потом однажды на рассвете по горной дороге навстречу приближающейся войне прошли запыленные зеленые танки и проскакала колыхающимся галопом кавалерия.

Люди из деревни высыпали на небольшой луг, как будто повисший на краю обрыва, и махали платками и шапками, но снизу их не могли увидеть: так они были высоко.

Несколько мужчин из деревни спустилось вниз, чтобы показать красноармейцам дорогу через горы, и скоро стало известно, что война остановилась и сюда не придет.

Мобилизованные польские солдаты стали возвращаться домой. Они приходили горными тропинками на рассвете, когда скотина сонно мычала в пахнущих парным теплом хлевах и первый дымок тянулся из труб, а вся деревня, прилепившаяся к горному склону, глубоко утопала в утреннем тумане...

Многие вернулись, а некоторые не вернутся никогда, но, как-никак, а жизнь должна идти дальше. Немного меньше стало работников, да несколько вдов прибавилось в убогих, прижавшихся к земле домишках, ютившихся на подпорках среди обрывов, пропастей, каменистых вершин и яркозеленых маленьких горных лугов.

Люди работали с самого рассвета, а в тот час, когда солнце начинает садиться и на вершинах стоит еще прозрачный, ясный день, а внизу уже ложится холодная синева и седые туманы начинают клубиться в ложбинах, девушки и молодые женщины собирались на маленьком, высоко повисшем над пропастью лугу.

Первой приходила обычно высокая девушка со спокойным, замкнутым лицом. Когда она стояла у самого края, еще издали можно было узнать ее фигуру в собранной мелкими складками юбке, туго затянутой в талии. Она стояла, не двигаясь, и смотрела вниз, на дорогу, и светлые волосы на ее непокрытой голове шевелились от ветра.

С луга была видна единственная дорога, петлявшая где-то неизмеримо далеко, на дне пропасти. Девушки тесно садились рядом, и пели, и смотрели на дорогу, и, если на дороге появлялся человек и сворачивал на тропинку, все знали, что завтра, к полудню, этот человек доберется до деревни, конечно, если он горец, знает дорогу и молод.

Если он немолод, он дойдет, может быть, только к вечеру; если не горец, — то только на второй день, а если не знает дороги,— едва ли вообще куда-нибудь дойдет: такие тут горы.

Девушки всегда начинали петь тихонько, потом их голоса звенели все сильней и вдруг разом обрывались на высокой ноте, и все, затаив дыхание, прислушивались, как эхо повторяет последний вскрик. Тогда они снова брали несколько высоко вибрирующих нот и обрывали. И эхо издали отвечало, и так складывались прекрасные горные песни, непохожие ни на какие другие.

Однажды девушки заметили далеко внизу маленького человечка, свернувшего на тропинку.

Они рассказали об этом в деревне, и там с интересом гадали, кто бы это мог быть.

Наутро человек не пришел, не пришел и днем. «Нет, значит, это не горец, не свой»,— думали люди. Но все-таки это оказался свой.

Уже начинался закат, и девушки запели на своем лугу, когда на последнем повороте тропинки показался человек в солдатской зеленой шинели.

Он остановился у поворота, усталым движением спустил с плеча мешок, положил его к ногам и, придерживая его за лямку, стоял и слушал, как поют. По круговой тропинке ему оставался еще добрый час ходьбы, но он был совсем близко от девушек, отделенный от них только пропастью. Девушки его сейчас же узнали, они радостно вскрикнули, вскочили и подбежали к краю обрыва, махали ему руками и кричали.

Он медленно поднял руку и помахал им в ответ. Это был Витусь, или, как тут произносят, Витушь, первый певец в горах. Его здесь знали все, все его любили и гордились им.

Девушки кричали ему:

— Почему ты не возвратился вместе со всеми? Здравствуй!

— Скорее иди сюда, к нам, Витусь!

— Принес новые песни?

— Хочешь, мы побежим сказать твоей матери?

Он слушал и смотрел на них, не отвечая.

Тогда девушки пошептались, затихли и вдруг разом запели веселую, насмешливую старинную песню, которой встречают жениха, приехавшего из другой деревни.

Хор девушек поет, а мужской голос отвечает.

Витусь отлично знал эту песню: они столько раз пели ее вместе.

Девушки спели свой куплет и оборвали его веселым, вызывающим возгласом, уступая место для ответа Витусю.

Они смотрели ему в лицо, еле сдерживая радостное возбуждение, ожидая услышать его чудесный, глубокий, его могучий голос, но Витусь стоял, не шевелясь, и смотрел на свою руку, державшую за обвисшую лямку солдатский мешок.

Одна из девушек нетерпеливо топнула ногой и еще громче и еще быстрее повторила куплет, и все сейчас же подхватили, снова оживившись и разжигаясь все сильнее и сильнее, опять сразгону подошли к концу, и оборвали, и ожидающе замерли, напряженно прислушиваясь, но он опять молчал.

Высокая девушка, которая почти всегда первой приходила на луг и смотрела вниз, на дорогу, сжала кулаки и умоляюще крикнула:

— Витусь!

Он медленно повернул к ней голову и посмотрел ей в лицо, и она увидела, что он очень похудел и бледен, и он отвел глаза и, устало нагнувшись, подобрал мешок, вскинул его на плечо и, не оборачиваясь, пошел к деревне.

Девушки тоже побежали в деревню другой дорогой и мгновенно разнесли весть, что Витусь, певец Витусь, возвращается, но какой-то странный и невеселый.

Мать, запахиваясь в платок и всхлипывая, выбежала на улицу и торопливо пошла навстречу.

На мосту ее догнал человек с диковинной, пузатой гитарой подмышкой. Это был замечательный гитарист и постоянный аккомпаниатор Витуся—Юзеф.

Он шутливо подхватил мать под руку, и она, смеясь и всхлипывая, почти бежала с ним по дороге.

Она бежала до тех пор, пока не увидела сына, и тогда остановилась в изнеможении и не могла идти дальше, так что гитаристу пришлось ее поддерживать до тех пор, пока не подошел, все ускоряя шаг, Витусь и обнял сначала мать, а потом гитариста, обнял и похлопал по спине, и они пошли все вместе по дороге к дому.

— Матерь божья, — вытирая глаза, сказал гитарист,—где же ты это пропадал, проклятый человек? Ты измучил мое сердце.

Витусь улыбнулся и тихо проговорил в ответ несколько слов. Дело в том, что он был ранен, и лежал в госпитале, и вот теперь только поправился.

— А теперь у тебя ничего не болит?—спросила мать.

Да, теперь он стал совсем здоров.

— Почему же ты не пришел раньше, раз ты совсем здоров, проклятый человек?!—воскликнул Юзеф.

— Ты лучше посмотри, какой худой он стал,—сказала мать гитаристу,—он, наверное, не совсем здоров все-таки.

— Нет,—опять почему-то очень тихо сказал сын,—я совсем здоров. Я могу теперь работать.

Гитарист на ходу положил на руку свой чудной инструмент и тихонько начал наигрывать.

— Хороша? — прислушиваясь и щурясь от наслаждения, спросил сияющий гитарист.

— Хороша,—согласился Витусь и задумчиво добавил очень тихим голосом, как будто по секрету.—Я, кроме этой, знаю теперь много новых, прекрасных песен.

— Где же они?

— Они все тут, их тут столько, что они теснятся и мешают мне дышать.

— Ах ты, матерь божья!—весь кипя от нетерпения, воскликнул гитарист.—Зачем же они там теснятся, выпусти их скорее наружу и ни минуты не беспокойся за аккомпанемент! Что ты за человек, что в такую минуту не радуешься и бормочешь себе под нос, точно собака, которая ловит во сне блох? Никто тебя здесь не подслушает!

— Да, я говорю тихо,—сказал Витусь,—и никогда в жизни я не буду разговаривать громче: у меня прострелено горло.

★

На другой день в хате у Витуся стали собираться соседи.

Одним из первых явился Юзеф. Он уложил на скамейку и распеленал, как ребенка, из теплого платка свою нескладную гитару. Витусь искоса бросил на него настороженный взгляд и продолжал разговаривать.

Входившие шумно приветствовали хозяина, и, когда он отвечал им вполголоса, они конфузились и старались умерить силу своих голосов, но через минуту снова забывались и начинали вовсю смеяться и кричать.

Юзеф подтянул струны и чуть слышно заиграл.

Витусь оглянулся и отрицательно покачал головой, но Юзеф настойчиво продолжал перебирать струны своими проворными толстыми пальцами.

Тогда Витусь обернулся к нему еще раз и тихо произнес:

— Ведь ты же знаешь. Я совсем не могу.

— Нет, я ничего этого не знаю,—вызывающе усмехнулся гитарист.

Старик, сидевший рядом, неодобрительно пожевал губами и сердито пробормотал:

— Ты пристаешь к человеку прямо как репейник к овечьей шкуре. Прямо как репейник!

Гитарист, продолжая играть, нагнулся к старику и таинственно шепнул:

— Он может петь! Мне мать сказала. Она слышала ночью. Он лежал и тихонько пел в темноте. Очень хорошо пел, только тихо...

В то же время собравшиеся вокруг Витуся соседи, одобрительно похлопывая по плечу и слегка подталкивая, выпихнули его на середину комнаты, и кто-то пододвинул ему табурет.

Разом сделавшись серьезным, гитарист подался всем телом вперед и, не отрывая напряженного взгляда от Витуся, чуть слышно заиграл в быстром темпе, едва касаясь пальцами струн.

Певец, сдаваясь, опустился на табурет и немного переждал, наклонив голову на бок, и глядя в пол, и все еще продолжая полуулыбаться, вполголоса сказал какое-то слово, которое трудно было расслышать, и потом все протяжнее проговорил еще несколько слов своим глубоким, низким голосом, и только тут все заметили, что он уже поет.

Первые мгновения, напрягая слух, все испытали чувство томительной неловкости за этого человека. Мучительно было подумать, как он допоет песню до конца, когда уже сейчас его едва слышно.

Звуки гитары торопливо и затаенно скользили, чуть отставая от голоса.

Тишина в комнате стояла мертвая, никто не шелохнулся, каждый застыл так, как его застало начало песни.

Мелодия была легкая и торопливо скользящая. Припев повторял все одно и то же: «Что за пустяк эта любовь!.. Она приходит и уходит. По-моему любовь—это просто ничто... Правда, она заставляет петь».

Люди сидели в расстегнутых овечьих куртках с шапками в руках, не глядя друг на друга и наклонившись поближе к певцу.

За спиной певца в дверях, выходивших в сени, появилась и стала, заложив руки за спину и прижавшись затылком к косяку, высокая светловолосая девушка в широкой сборчатой юбке, сильно сжатой поясом в талии. У нее было замкнутое, строгое лицо, и она стояла, как будто не слушая, полузакрыв глаза.

Он повторил в последний раз припев: «Что за пустяк эта любовь! Она приходит и уходит. Любовь—это просто ничто... правда, она заставляет умереть!»

Последние слова он громко прошептал горячим, придыхающим шопотом и сразу поднял голову и улыбнулся всем растерянной, извиняющейся улыбкой, натянул на плечи сползшую короткую шинельку и поднялся, зябко придерживая ее за борта на груди.

(Окончание на стр. 10).

...Он остановился у поворота, усталым движением спустил с плеча мешок...

ЭТО БЫЛО НА СЕВЕРЕ

(Из фронтового дневника)

А. Сурков

1

Он не стонал. Он только хмурил брови
И жадно пил. Смотрели из воды
Два впалых глаза. Капли теплой крови
В железный ковш стекали с бороды.
С врагом и смертью не играя в прятки,
Он шел сквозь эти хмурые леса...
Такие молча входят в кипень схватки
И молча совершают чудеса.

2

Тыл прислал и снаряды и письма из дому,
На конвертах и ящиках штампы «Москва».
Здесь, на севере, как-то совсем по-другому
Зазвучали привычно-простые слова.
Дни пройдут, и по письмам стоскуемся снова,
Батареи пополнят снарядов запас,
Но никто не забудет короткого слова,
Над метелью и смертью ведущего нас.

3

Белый снег мели халаты белые.
Взрывы рыбу черпали со дна.
Егеря кричали, ошалелые,
Пьяные от крови и вина.
Но в лесу, под елями косматыми,
Окопались горные стрелки.
Отбиваясь яростно гранатами,
Подымались ротами в штыки.
День сменился сумерками мглистыми,
В полыньях покрылась льдом вода.
И когда над падями лесистыми
Проступила первая звезда
И зажглись полярных радуг полосы,
В штаб вбежал курносый паренек,
Задыхаясь и крича без голоса:
— Переправа наша!.. Ну, денек!..

Суомус—Сальми—Москва.
1939—1940.

ЧЕЛОВЕК, ПОЮЩИЙ ВПОЛГОЛОСА

(Перенос со стр. 9)

При первом его движении девушка, стоявшая в двери, бесшумно повернулась и исчезла.

Старик, который почти ничего не расслышал, неловко пробормотал что-то ободряющее, но Витусь в ответ виновато пожал плечами, дотронулся до горла и стал осторожно пробираться к двери.

Ни у кого не хватило духу его удерживать.

Когда за ним захлопнулась дверь, гитарист ожесточенно рванул струну и прерывисто вздохнул.

★

Витусь начал было работать у себя по хозяйству, разобрал часть старой, покосившейся изгороди и стал делать новую, хорошую, но работал он очень медленно и, не докончив, бросил. Однажды он снял со стены охотничье ружье и вышел из дому.

На улице никого не было, и он прошел через деревню и вышел на тропинку, уходящую вверх.

Дул резкий ветер, и кругом было холодно и бесприютно, и тут, на ветру, стояла, поджидая его, высокая девушка, поддерживая на груди большой развевающийся теплый платок с бахромой.

Она не спросила его, почему он уходит, только стояла и смотрела ему в лицо.

Он остановился и пробормотал через силу, что идет побродить по горам и поохотиться, но она не обратила никакого внимания на его слова и сказала, твердо глядя ему в глаза:

— Ну, я знаю, что у тебя с горлом. Что ж тут такого, чтоб бросать людей и бежать в горы?

— Ничего такого,— сказал Витусь.— Не все же люди поют. Вот и я не буду петь. Я только не стану ходить на вечеринки — и все!

Она как будто не слышала и настойчиво повторила:

— Ты остался тем же человеком, что и прежде. Что мне за дело до твоего горла?

— Конечно, тебе не должно быть никакого дела,— тихо сказал Витусь.

Но она крикнула со слезами в голосе:

— Нет, ты врешь, ты знаешь, что мне есть дело, есть!

И вдруг замолчала, сжав губы.

С минуту он тоже помолчал, потом приподнял шапку, прощаясь, и ушел не обернувшись.

Прошло много месяцев, и вот однажды, в середине зимы, в утро перед праздником, связисты установили на площади репродуктор. Это было немаловажным событием в деревне, где люди имели представление о радио только по единственному старому приемнику с наушниками, давно уже испорченному.

Витусь, бродивший в горах, услышал музыку. Деревня была ему сверху едва видна, но в тихом воздухе звуки разносились с кристальной ясностью.

Он лежал на снегу на краю обрыва и жадно слушал, закрыв глаза. Когда музыка замолкала, он вскакивал и торопливо начинал спускаться вниз и останавливался, как вкопанный, когда музыка начинала играть снова.

Вероятно, он пробовал петь, и человеку, который стоял бы с ним рядом, это пение показалось бы прекрасным. Но в одиночестве, среди горных просторов, каким бессильным шопотом казалось Витусю собственное пение!

Ночью мороз усилился и ветер стал подвывать на вершинах. Ему сделалось холодно и бесприютно, и он спустился поближе к людям и огню.

Был уже поздний вечер, и на улице было безлюдно, только по площади расхаживали какие-то люди, на ходу помахивая фонариками, и время от времени вспыхивал пляшущий по ветру красный огонек.

Витусь подошел и поздоровался с красноармейцами, которые были заняты приготовлениями к завтрашнему празднику: стучали топорами и подтягивали провода к только что построенной трибуне, стоявшей посреди площади.

Трое возились с проводами, а четвертый сидел на корточках и разводил на ветру костер, потому что было очень холодно, а работу нужно было кончить обязательно до утра.

Витусь подсел к нему и, вытащив нож, стал щипать лучину.

Костер хорошо разгорелся, и Витусь подкладывал дрова, а красноармейцы-связисты подходили время от времени и отогревали у огня руки.

Ему было тепло и приятно, что рядом есть люди, которые не спят. Сам он несколько раз начинал дремать, просыпался, вглядывался подолгу в огненные россыпи пылающего костра, обменивался двумя—тремя словами со связистами и опять задремывал, и, наконец, сквозь дремоту он почувствовал горьковатый запах печного дыма: наступало утро.

Один из красноармейцев взошел на трибуну и громовым голосом начал считать с расстановкой: раз... два... три... четыре... до двадцати, потом сначала: раз... два... три... и снова до двадцати. Затем он сбежал, стуча сапогами по деревянным ступенькам, и ушел за угол, где работали его товарищи.

Оставшись один на площади, Витусь подошел и осторожно взошел на пустую трибуну. Она была огорожена деревянными перильцами, и спереди на них была укреплена квадратная металлическая штука вроде ящика с решоткой.

Витусь наклонился над этим ящиком, как делал это только что связист, и вполголоса произнес: «Раз...» — и его голос громко послышался над пустынной площадью. Тогда он, как мог, громко сказал «Два, три!» — и увидел, как пестрая кошка, вдалеке пробиравшаяся по крыше, осторожно выдергивая лапы из глубокого снега, разом остановилась, повернув голову к репродуктору и прислушиваясь.

Он постоял некоторое время молча, не решаясь ничего делать, потом оглянулся и, видя, что никого нет, не отрывая глаз от черного ящика, запел, прислушиваясь, с тяжело бьющимся сердцем, и сейчас же услышал, как могучая сила репродуктора подхватила и понесла его тихий голос вверх и во все стороны.

Он пел, чувствуя, что сердце у него замирает и бьется тяжелыми ударами, и все время боялся, что вот-вот он проснется. У него сорвался голос от волнения, и он замолчал.

Когда красноармейцы, услышав пение, вернулись на площадь, они увидели, что человек в потрепанной зеленой шинели сидит на ступеньках трибуны и, закрыв лицо руками, плачет.

Они не хотели его тревожить, но он сам поднялся им навстречу и, вытирая ладонью мокрое лицо и волнуясь так, что на него было жалко смотреть, спросил:

— Скажите, товарищи, вы не знаете, сколько может стоить такой аппарат, если его купить? Если человек будет много лет работать и копить деньги, он может, в конце концов, собрать столько? — и, напряженно глядя в глаза им, тоскливо ждал ответа.

— Тебе ничего не надо покупать,— мягко ответил связист.— Это у нас, товарищ, ни к чему. Ты не думай об этом. Твое дело — петь: ты пой себе, а эта штука у тебя будет. Пой!

— Можно? — нерешительно спросил Витусь.

— Пой себе, пой! Бардзо ладно поешь. Мы слушать будем.

Он снова запел, и люди стали прислушиваться за окнами. Он пел ненасытно, одну песню за другой, пел, как одержимый, как пьет человек, добравшийся в пустыне до воды.

Связисты обступили трибуну и молча слушали с серьезными лицами, и один торопливым шопотом спросил:

— А хочешь громче? — и Витусь, продолжая петь, утвердительно кивнул и через минуту почувствовал, что новая сила влилась в его голос и он зазвучал еще ясней и звонче.

Через минуту гитарист Юзеф без куртки уже бежал через площадь, на ходу настраивая гитару...

Старик в высокой меховой шапке торопливо вышел на крыльцо, приставив ладонь к уху. Он внимательно прислушивался и вдруг с просиявшим лицом отнял руку от уха и с жаром стал притопывать ногой и потряхивать головой в такт песне.

Начинался день, безветренный, ясный. Вершины гор купались в чистой синеве, и только над деревней, клубясь, лениво всплывали в морозную высь белые дымы теплого человеческого жилья.

Отовсюду выходили люди и, осторожно ступая по скрипучему снегу, собирались к трибуне. Высокая девушка уже давно стояла тут, крепко сжимая губы, чтобы не заплакать или не засмеяться вслух.

Наконец, она, не выдержав, тронула Витуся за плечо и показала рукой вперед. Там, вдалеке, на белой снежной площади, теснились домики соседней деревни. Кучка маленьких человеческих фигурок, окруживших столб с черной воронкой рупора, виднелась четко, как будто нарисованная тушью.

Витусь смотрел, не понимая. Тогда девушка с силой сжала и тряхнула его плечо.

— Смотри! — задыхаясь от радости, крикнула она.— Разве снился тебе прежде такой голос? Видишь: там, очень далеко, люди стоят и слушают? Ведь там — это тоже ты поешь!

В экспрессе

Э. Виленский

Иллюстрации худ. Д. Пиворарова.

I. НА ВОСТОК

Этот длинный красивый поезд имеет очень важный и солидный вид. Это не простой состав, какие тысячами ежедневно мчатся по всем железным дорогам мира. Он пробегает длиннейший рельсовый путь: от западных областей Советского Союза до Владивостока, города, глядящего на воды Тихого океана. Люди поселяются в этом поезде, как в гостинице, в нем они живут полторы недели. В нем они путешествуют через все многообразие величайшей страны мира: от западных низменностей сквозь Уральские горы, сибирские просторы и таежные массивы, через могучие азиатские реки и исполинский Байкал.

В предвкушении этого пути люди деловито и серьезно садятся в вагоны, размещаются по купе, устраивают вещи. Поезд трогается. В первый час происходит некоторое переселение: знакомые, встретившись, меняются местами, переходят из вагона в вагон, переезжают с полки на полку. Потом все успокаивается и начинается путешествие.

Первые же разговоры, первые же остановки, когда пассажиры гуляют возле поезда, сразу обнаруживают состав едущих. Человек, часто путешествующий на Восток, знает, что пассажиры дальневосточного экспресса — это люди большей частью определенного типа. Почти всегда это геологи, строители, химики, горняки, плановики, врачи, ученые, военные. Эти люди больше всего нужны на Востоке, и они едут туда, окончив какую-то большую работу где-то на юге или на севере. Седоусый сосед мой лишь неделю назад сдал мост где-то на юговостоке. Он пробыл два дня у дочери в Москве и сейчас же отправился на Восток. Там он построит мост, даже, вероятно, не один: на Востоке еще мало мостов, а рек сколько, да ущелий, да обрывов!..

— А где вы живете, Владимир Иванович? — спрашивает мостовика юная химичка, только что окончившая институт и пустившаяся в свое первое «плавание».

— На Дальнем Востоке,— отвечает строитель.

— Тогда расскажите мне...

— Но я там еще не был,— усы Владимира Ивановича шевелятся в улыбке.

Химичка недоумевает.

— Я живу там, где строю,— объясняет мостовик.— Сейчас буду строить на Востоке,— значит, там живу... А вы где?

Девушка с секунду думает, потом звонко смеется:

— Я тоже там живу, вернее, буду жить. Ну... значит, живу. Родители мои в Ростове, училась я в Москве, а живу там, где и вы...

И оба хохочут.

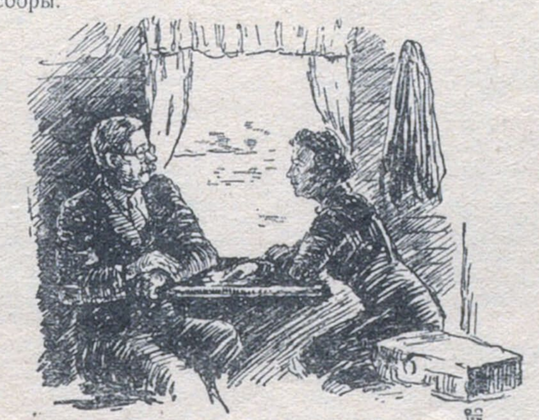
Через час наступает время обеда, и они отправляются в вагон-ресторан.

Интересно пройти по коридорам дальневосточного экспресса. Днем пассажиры свои купе не закрывают. Все двери открыты: путь долгий, все хотят общения, бесед. Народ уже устроился, вытащены комнатные туфли, домашние костюмы. Стучат кости домино. Сколько партий будет разыграно до Владивостока! Клубы дыма валят из купе, где склонились над доской окруженные «болельщиками» шахматисты. Соседнее купе целиком занято одной семьей. Генерал-майор танковых войск, высокий, красивый, едет с женой и двумя дочерьми. Знакомое лицо. Да ведь он брал Вильно в прошлом году!

Следующее купе целиком занято людьми с большими кожаными ящиками. Это кинооператоры едут во Владивосток снимать эпизоды из жизни Тихоокеанского флота.

В вагон-ресторане много иностранцев. Здесь чехи, шведы, англичане, канадцы, японец. Едут в одиночку и целыми семьями, с детьми. Старушка-американка едет одна, гостила в Норвегии у сестры, теперь возвращается на восточный берег Соединенных штатов. Ей восемьдесят три года.

Москва, Свердловск, Омск, Новосибирск, Красноярск, Иркутск. Дни, ночи, снова дни. Уже все знакомы в поезде, ходят друг к другу в гости, обмениваются книгами, играют в бесконечный преферанс, сотую партию в шахматы. Где-то объявился занятный рассказчик, и он делает в своем купе, так сказать, полные сборы.

Даже иностранцы, державшиеся вначале чопорно, сейчас начинают улыбаться, стараются почаще выходить из вагона. Но друг с другом они почти не разговаривают. Англичане сторонятся немцев, американцы — японца. Постепенно выясняются маршруты, подробности, цели поездок. Канадская семья едет на родину. Он квалифицированный инженер, служил в Швеции. Началась война, кончилась работа, семья направляется домой. Это — нелегкое путешествие: из Швеции в Канаду, через весь земной шар! Но ничего не попишешь: война—и приходится ехать поездом до Владивостока, затем на пароходе в Японию, оттуда снова на пароходе в Америку, а потом опять в поезде. Впрочем, таковы почти все маршруты. Англичане например едут в Англию из скандинавских стран через Европу, Азию и Америку: иного безопасного пути нет. Страховой агент возвращается из Австрии в Аргентину тоже через Восток. И лишь японец едет нормальным путем, да какой-то ирландец, направляющийся в Австралию, тоже делает не особенно большой крюк, всего лишь в три—четыре тысячи километров.

Почти все эти люди едут как туристы, по туристским карточкам и билетам. Но какой это туризм? Война, война гонит этих людей на Восток или через Восток.

В нашем вагоне два иностранца. Один — инженер-керамик. Он направляется в Японию искать работы. Если не найдет,— в США. А если и там не найдет,— еще куда-нибудь. Но этих «еще куда-нибудь» становится все меньше. Он с завистью смотрит на соседей по купе и к своему рассказу горько добавляет:

— Вот так и езжу, как Агасфер.

— Я тоже немало езжу,— говорит мостовик,— только не я работу ищу, а она — меня.

Второй, из Голландии, — совсем мальчик. Ему двадцать лет, он ни разу не снял ермолки, ни разу не побывал в вагоне-ресторане. Он очень набожный еврей и всю дорогу питается крутыми яйцами и чаем. Всякая другая пища в пути ему противопоказана талмудом. Его родные в Америке.

Перед Владивостоком пассажиры обмениваются адресами, записывают телефоны, названия городов, поселков и улиц.

Может, и доведется когда-нибудь встретиться.

2. НА ЗАПАД

Утром поезд, умытый и начищенный, отправляется в обратный путь. Моросит легкий дождик, пассажиры, поеживаясь, садятся в вагоны. Сыро.

Но уже через несколько часов погода резко меняется, в окна рвется солнце, становится тепло. Репродуктор передает первый утренний выпуск «Последних известий», в Москве еще очень рано. Разница во времени — семь часов.

Надо сказать по совести, что радио в дальневосточном экспрессе — хоть и нужная, но очень надоедливая штука. Радист считает своим долгом добросовестно обслужить пассажиров и с утра до ночи занимает их концертами, принимаемыми из эфира, и своими, пластиночными. Этот радист чрезмерно изобретателен. Он объявляет: «Концерт народных песен», «Концерт для детей» (в поезде едут всего трое ребят, и всем вместе им нет еще пяти лет), «Концерт Тамары Церетели», «Концерт легкой музыки»... Гремит музыка целый день, и пассажиры начинают искать выключатель. Не найдя его, они пишут в радиокупе коллективное письмо: «Заявка на концерт. Просим передать несколько вещей Чайковского, а потом три часа молчать». Радист делает выводы, и мы отдыхаем три часа.

В этом, идущем с Востока экспрессе вагон-ресторан торгует бойко, он переполнен с утра до вечера. На запад едут люди из далеких северных пунктов, с кораблей, из экспедиций.

— Пивко, эх, пивко! — прищелкивает языком старпом дальневосточного корабля.

Он три года плавал, сейчас имеет несколько месяцев отпуска, едет с женой и детьми в Архангельск, к матери, а потом — в Батуми. Он очень радуется своему путешествию, охотно знакомится с пассажирами.

В нашем вагоне, как и во всем поезде, многие едут в отпуск из Магадана, с Камчатки, с зимовки, с Сахалина. Отпуска у них солидные: пять, шесть, а то и семь месяцев.

— Впрочем, вероятно, не выдержу,— говорит один из них.— Месяца через два поверну назад. Уж очень я полюбил наш край.

Эти люди, прожившие интересные, захватывающие годы в далеких краях, к рассказам приступают нескоро. Они сами расспрашивают про все: и про улицу Горького, и про Бессарабию, и про новые столичные набережные, и про войну, и про театры.

Из поезда, который шел на Восток, почти никто не вышел в пути: все ехали до Хабаровска или Владивостока. А в этом, возвращающемся поезде очень многие обрывают свой путь в Иркутске или Красноярске. Секрет прост: дальше можно лететь на самолете и добраться до Москвы за один день вместо того, чтобы плестись пять суток.

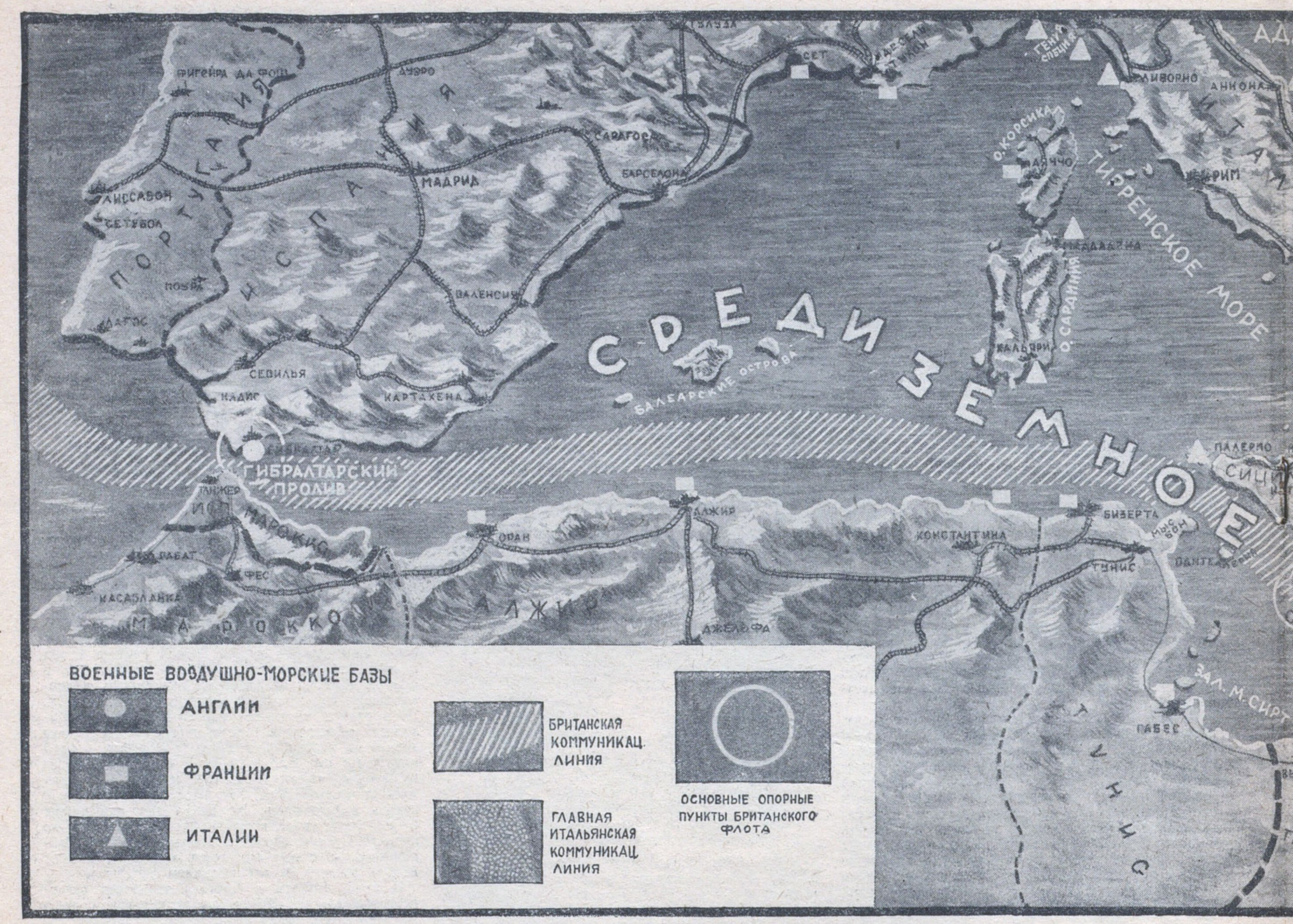
И когда поезд останавливается в Иркутске, на перрон валит с чемоданами большая группа пассажиров. Завтра они прилетят в Москву.

— Встречайте нас! — кричат им вслед.— Приготовьте номер в гостинице, такси...

Смех, шутки. Прощаются еще вчера незнакомые друзья. Это одна большая семья, дружная, радостная, веселая. Большая советская семья.

И тут только я замечаю, что в нашем поезде нет ни одного иностранца.

«Туристы» на запад не едут.

ДНЕВНИК ВОЙНЫ

И. Ермашев

25 января 1941 года

1. ТОБРУК — ВАЛОНА

Мы не случайно назвали первую часть нашего «Дневника войны» именами двух городов, находящихся на разных континентах. Эти города теперь знает каждый читатель газет.

Между операциями на африканском побережье Средиземного моря и на албанско-греческом театре установилось ощутительное стратегическое взаимодействие. После взятия Бардии английскими войсками 5 января греки заняли в Албании город Клисуру и наступают на Тепелене. Это — событие большого значения. Тепелене лежит на единственной дороге, идущей от греческой границы через Аргирокастрон на Валону. Клиссура является узловым пунктом на другой важной дороге: граница — Берат — Дураццо. Помимо этого оба города были опорными пунктами итальянской укрепленной линии, задерживающей наступление центральной группы греческих войск.

В это же время генерал Убальдо Содду ушел с поста командующего итальянскими армиями в Албании. На его место назначен генерал Уго Кавальеро, начальник итальянского генерального штаба. Один этот факт показывает, какое значение в Италии придается албанскому фронту.

Капитуляция Тобрука и наступление греков на Валону довольно точно совпадают во времени. Сейчас трудно сказать, как дальше пойдут дела у генерала Уэйвела в Африке и у главнокомандующего греческой армией генерала Папагоса в Албании. Но независимо от этого Великобритания продолжает охватывающую операцию на стратегических флангах итальянского фронта в зоне Средиземного моря.

Значение Средиземноморского бассейна сейчас во много раз выросло. От позиций борющихся держав на морском театре в значительнейшей степени зависит и ход операций в Африке и в Албании. Италия попрежнему стремится удержать в своих руках центральный район моря, по которому проходит главная итальянская коммуникационная линия с Ливией. Если бы британским военно-морским силам удалось прервать эту линию, ливийская армия маршала Грациани оказалась бы в очень тяжелом положении: она лишилась бы подвоза военного снаряжения, продовольствия, горючего и подкреплений.

До того времени как в борьбу вступила Греция, позиции Италии в центральном районе Средиземного моря были весьма сильны и ее центральная коммуникационная линия — надежно обеспечена от удара с востока.

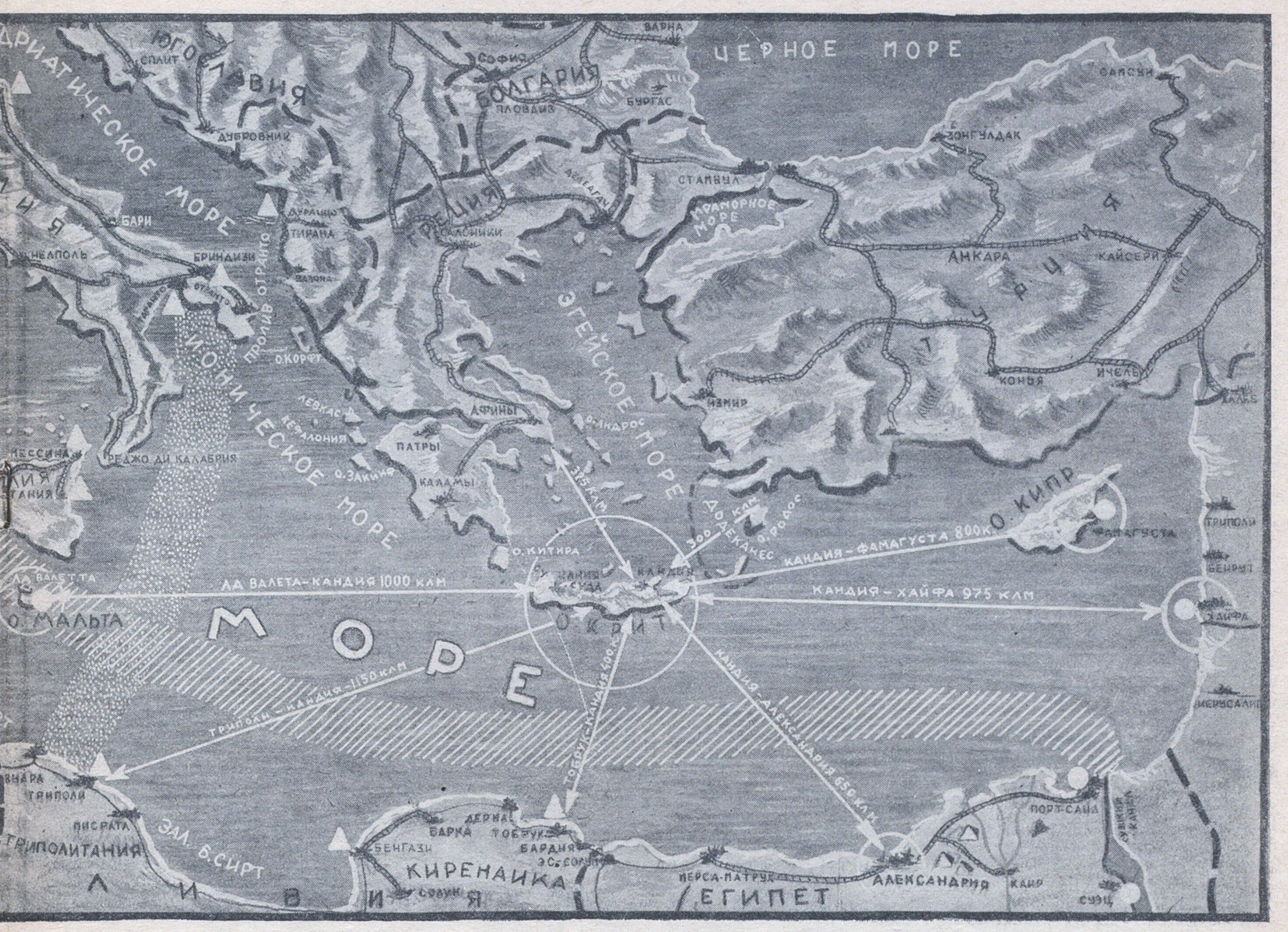
Мало того: итальянские морские и воздушные силы, блокирующие Тунисский пролив, фактически прервали британскую коммуникационную линию Гибралтар—Александрия. Британские морские силы оказались разделенными на две группы: меньшую — западную и большую — восточную. Попытки англичан «протолкнуть» время от времени караваны судов с запада на восток привели к ряду морских сражений (9 июля, 27 ноября прошлого года и 10—11 января этого года). Во всех случаях англичане располагали превосходством в силах, тем не менее они не смогли нанести сильных потерь итальянскому флоту. То, что итальянская (а начиная со 2 января также и германская) авиация имеет возможность оперировать в районе Тунисского пролива непосредственно с береговых баз, затрудняет действия англичан.

Борьба за морские коммуникации приобретает сейчас особо острый характер. Объясняется это тем, что линия фронта — Тобрук — Средиземное море — Валона — переместилась после падения Бардии и выхода греков непосредственно к Валоне на запад и приближается к важнейшему для Италии морскому району, по которому пролегает, так сказать, «ось» всей ее стратегии на Средиземном море.

2. ПОЗИЦИИ СТОРОН

Италия — одна из главных средиземноморских держав — располагает на этом театре очень сильными позициями: Анкона, Триесте, Цара, Бриндизи, Бари, Отранто, Валона, Дураццо — на Адриатическом побережье, Таранто — в Тарантском заливе, Катания, Мессина и Палермо — на острове Сицилия, Неаполь, Ливорно, Специя, Генуя — на побережье Тирренского и Лигурийского морей, наконец, Кальяри — на острове Сардинии — таковы далеко не все военно-морские и воздушные базы Италии на Средиземном море.

Великобритания располагает в западной части Средиземного моря всего одной базой, — Гибралтаром — удаленной от главного театра борьбы, и Мальтой. Зато на востоке Великобритания сильнее Италии: британские базы на побережье Африки — Александрия и Порт-Саид; в Азии — Хайфа и Фамагуста (на острове Кипре) — представляют собой звенья мощной цепи, которая преградила итальянскому флоту доступ в восточный бассейн Средиземного моря.

Однако все эти базы, сыгравшие очень большую роль в военных действиях на ближневосточном фронте, не смогли бы воспрепятствовать движению итало-германских сил на юговосток в случае, если бы они заняли такой важный плацдарм, как Греция и принадлежащие ей острова, в особенности остров Крит.

Достаточно бросить взгляд на печатаемую выше карту, чтобы понять исключительно крупное стратегическое значение этого острова. В восточной части Средиземного моря нет более важной стратегической позиции чем остров Крит. Недаром после начала итало-греческой войны и переброски английских военно-воздушных сил в Грецию командующий британскими вооруженными силами на Ближнем Востоке генерал Уэйвел лично посетил Крит и подробно ознакомился с островом.

Заняв Крит, британское командование смогло, так сказать, протянуть стратегическую линию на запад и упереть ее в Мальту, а с другой стороны,— на восток, до Хайфы и Фамагусты. Все пространство восточного бассейна Средиземного моря и важнейшие стратегические доступы к центральному району, имеющему столь крупное значение для Италии, стали ареной боев. Таков немаловажный результат вовлечения Греции в войну. Додеканес — единственная итальянская база в восточном бассейне — со всех сторон теперь окружен английскими базами и опорными пунктами. Как писал морской обозреватель «Берлинер Берзен Цейтунг», с занятием острова Крита англичанами «преимущество позиций итальянцев снизилось, ограничились значение и боевая ценность опорных пунктов на Додеканесах и создана была предпосылка для нападения на Таранто».

Крит — один из самых крупных островов на Средиземном море. Он занимает площадь в 8616 квадратных километров. Бухта Суда может вместить самый большой флот. Кроме нее большое значение имеют также бухты Кисамос, Канея, Кандия, Маллия, Мирабело и Ситня. Западное побережье Крита представляет собой естественную крепость; громадные скалы поднимаются прямо из воды. Крит является как бы барьером, закрывающим выход из Эгейского моря и лежащим поперек путей к островам Додеканеса.

Британский флот использует Пирей, Салоники, Волос, Патрас и другие греческие порты, а также множество мелких портов и хороших бухт, пригодных для стоянок военных кораблей. Судя по всем имеющимся данным, Великобритания пытается укрепить свои позиции в восточной части Средиземного моря и тем самым прочно связать оба фланга своего ближневосточного фронта.

3. НОВЫЕ ФАКТОРЫ

Как показывают события, развернувшиеся за последнее время в Африке, на итало-греческом театре и на Средиземном море, Великобритания стремится нанести поражение Италии — единственному крупному союзнику Германии в Европе — и вывести ее из строя. Английская печать не скрывает, что такова именно цель генерала Уэйвела и что ей подчинены операции греческой армии в Албании.

Расчеты британского военного руководства были, видимо, построены на том, что Германия не в состоянии оказать Италии поддержку на море: германский флот поглощен борьбой на морских коммуникациях в Северном море и Атлантическом океане и помимо того не может проникнуть в Средиземное море, поскольку западный вход заперт британской крепостью Гибралтар. Между тем Италия сейчас нуждается в усилении своих сил на море, в особенности после выхода из строя трех линейных кораблей, поврежденных во время налета британской авиации на итальянскую эскадру в Таранто.

Но откуда взять эти подкрепления? На Средиземном море остались две державы, имеющие флоты: Франция, не участвующая в нынешней борьбе после своего поражения летом прошлого года, и Испания, до сих пор не решившаяся примкнуть к какой-либо воюющей стороне. Борьба за ресурсы, базы и морские силы этих держав теперь в полном разгаре.

Однако в одном смысле расчеты британского командования оказались мало обоснованными: германское командование перебросило в Италию авиационный корпус; в Италию отозваны итальянские воздушные силы, принимавшие участие в боях в воздухе над Англией; соединения германского авиационного корпуса уже предприняли ряд операций, они участвовали в морском сражении в Тунисском проливе 10—11 января.

Появление германских воздушных сил в зоне Средиземного моря — весьма важный фактор, который может оказать значительное влияние на ход борьбы. Следует подчеркнуть, что германский авиационный корпус прибыл в Италию как раз в то время, когда между британскими и итальянскими военно-морскими и воздушными силами начались первые сражения за господство в центральном районе Средиземного моря, где, как мы указывали, находится, так сказать, жизненная артерия итальянской стратегии.

Удар, нанесенный германской авиацией по английской эскадре 10 января, показывает, что в условиях Средиземного моря воздушные силы могут с большим успехом действовать против надводных морских сил. В британских кругах, как сообщало агентство Рейтер, считают, что германская авиация будет пытаться нанести поражение британскому средиземноморскому флоту, чтобы облегчить переброску германских войск в Ливию.

Германская авиация, главные силы которой, повидимому, расположены на аэродромах Сицилии, наносит основной удар по британской базе на острове Мальта, находящейся в центре итальянских коммуникаций и играющей поэтому важнейшую роль в качестве опорного пункта британских военно-морских и воздушных сил, стремящихся прервать коммуникации с Ливией. В момент, когда мы пишем эти строки, идет жестокая борьба за Мальту.

БАЙРОН В ГРЕЦИИ

(Неопубликованные письма)

Анатолий Виноградов

Байрон в албанском костюме.

Гонимый из города в город и, наконец, загнанный преследованиями международной полиции на узкую полоску генуэзского берега, седой в тридцать шесть лет, потрясенный крахом итальянской и испанской революций, Байрон видел перед собой только одну дорогу: гладкую пустыню Средиземного моря. Все пути на север, на восток и запад были для него закрыты. И вот с моря появились люди, которые привезли весть Байрону о греческом восстании. Новый огонь загорелся в душе поэта. 14 июля 1823 года на бриге «Геркулес» Байрон отплыл в Грецию со своим молодым карбонарским другом Пиетро Гамба.

Байрону было известно, что восстание греков против турецкого султана Махмуда, начавшееся в марте 1821 года, вырастало в огромное национальное движение самого передового народа из всех угнетаемых турками. Всей душой отдался великий поэт суровому, напряженному, бесконечно тяжелому труду — делу помощи греческому народу. 30 марта 1824 года из Миссолонги Байрон писал Дугласу Киннерду письмо, которое я привожу впервые на русском языке:

«Дорогой Дуглас, это письмо передаст вам сеньор Заими, третий греческий депутат. Окажите ему гостеприимство с вашей обычной любезностью. Прочие депутаты были обязаны представлять рекомендации и к вам и к другим. В том же письме вложена копия с документом, составленным по здешней форме, о том, что я выдал греческому правительству четыре тысячи фунтов стерлингов, которые по настойчивому желанию греков должны быть возвращены после реализации греческого национального займа в Лондоне, займа, который, кажется, уже осуществился. Уведомляю вас, что я выдал князю Маврокордато свои пятьсот пятьдесят фунтов стерлингов под векселя Боуринга, отправленные на ваше имя. Кн. Маврокордато говорит, что сеньоры Орландо и Луриотти имеют достаточные суммы для покрытия расходов Боуринга. Проверьте это. Иначе эти деньги не сразу попадут по назначению.

Греческое Д е л о до сегодня уже обошлось мне в тридцать тысяч испанских долларов, выданных мною из моих средств, не считая расходов, произведенных мною лично. П р а в д а, е с л и б ы н е э т и д е н ь г и, т о в М и с с о л о н г а х д о с и х п о р в с е с т о я л о б ы н а м е р т в о й т о ч к е...

Я буду продолжать расходовать деньги на Д е л о, ибо под моим командованием находится полк греческих молодцов на постоянном моем жаловании. Я неоднократно писал вам настоятельную просьбу продать мои процентные бумаги, пока они стоят высоко. Также я хочу узнать, как вы устроили дело моих Рочдэльских рудников, как вы ликвидировали недоимки в Кёркби, как идут новые издания мои, и чем кончились судебные процессы по ним, и т. д. и т. д. И всегда я кончаю просьбой: шлите деньги, деньги, ибо дело, за которое я взялся, я должен делать хорошо! Я был очень болен, но теперь, говорят, мне лучше... Вчера состоялся военный суд, судили солдата за кражу, немецкие офицеры настаивали на наказании плетьми. Я решительно запретил вообще наказания такого рода. Виновного выгнали из армии, и после этого предали обычному суду гражданских властей. В тот же день один милый офицер захотел драться на дуэли с двумя товарищами. Всех троих я посадил под арест и по-военному уладил дело, заявив в приказе, что ежели на театре войны, в армии, повторятся дуэльные вызовы, то я буду расстреливать каждого второго из дерущихся. И все-таки дела идут сносно. И мы ждем, что теперь, когда греки получили заем и могут организоваться, Д е л о пойдет еще лучше.

Ваш Ноэль Байрон».

В письме к Боурингу от 12 мая 1823 года Байрон пишет:

«Главное, в чем нуждаются греки,— это п р е ж д е в с е г о л е г к и е и у д о б н ы е д л я г о р н о й в о й н ы а р т и л л е р и й с к и е б а т а р е и, конечно, п а р к и п о л е в о й а р т и л л е р и и, потом п о р о х и, наконец, госпитальное оборудование и медикаменты. Самый удобный способ пересылки через Идрию, на имя господина Негри.

Я отдал бы все, что могу. Я соберу все свои средства для содействия великому Д е л у. Турки — народ упорный, как показали все предшествующие войны: они будут возобновлять нападение в течение многих лет, даже если окажутся разбитыми. Но рано или поздно о н и п о т е р п я т п о р а ж е н и е н а в с е г д а. Отряд офицеров, хороших артиллеристов и инженеров значительно подкрепил бы Дело. Предпочтение я отдаю офицерам, ранее служившим на Средиземном море. Надо, чтобы они знали только, что им не придется сидеть «на бифштексах и портвейне», ибо Греция, уже истощенная в последние годы, в настоящее время представляет собой страну горьких лишений. Не думайте, что это — лишнее замечание: я наблюдаю, как многие иностранные офицеры: итальянцы, французы и даже немцы (последние меньше) — с отвращением вернулись из Греции, ибо воображали, что отправляются на увеселительную прогулку, надеясь на большое жалованье, быстрое повышение в чинах и необременительную службу. Эти жалобщики все до одного — сплошь авантюристы, надеявшиеся командовать и грабить и разочарованные в этой надежде. Я проверил всё это ч е р е з г р е к о в, к о т о р ы е д о п о с л е д н е й к р о ш к и д е л и л и с в о й н и щ е н с к и й п а ё к с и н о с т р а н н ы м и д о б р о в о л ь ц а м и. Я убежден, что целью Комитета содействия грекам является их освобождение, но, очевидно, Великобритания знает, какую громадную выгоду принесет ей успех греков. Для широкой массы англичан, охваченных теперь корыстными расчетами всякого рода, конечно, имеет значение то обстоятельство, что, не плавая за океаны, не ища в Америке новой родины, они тут же, неподалеку, найдут страну, которая оплатит их труды. Если мы возьмем только богатства одного Греческого архипелага и дешевизну природных продуктов Греции в мирное время, то, конечно, для претензий английских иммигрантов эти богатства беспримерны, и, пожалуй, для их корысти Греция выгодней Капштадта, Тасмании и других заокеанских стран».

Лондонский комитет поручил Байрону быть его «представителем при новом народном правительстве Греции». И Байрон, принеся в Грецию всё свое состояние, напряг всю свою волю, весь свой политический талант, весь свой авторитет поэтического гения и добился займа для греков в 800 тысяч фунтов стерлингов. Правда, британское правительство далеко н е б е с к о р ы с т н о согласилось на б е с к о р ы с т н о е ходатайство Байрона и греков. Но, как мы видим, для самого Байрона не было тайным то обстоятельство, что планы статс-секретаря по иностранным делам Великобритании Джорджа Каннинга проникнуты были обычным дипломатическим своекорыстием.

В оценке британской помощи Байрон не ошибался. Действительно, когда 3 февраля 1830 года на лондонской конференции трех держав (Англия, Франция и Россия) Греция была объявлена «независимой», Англия не включила в состав этой «Греции» ни Эпира, ни Фессалии, ни острова Крита, но раскидала военные стоянки свои на всех Ионических островах. Если положить на одну чашку весов этот гигантский грабеж, а на другую — капельку золота «греческого займа», то первая чашка весов не шелохнется.

Улица Тираны в Албании.

Бельгийские зарисовки

/ИЗ ДНЕВНИКА/

П. Андро

Бельгия испокон веков служит полем сражения Европы. Юлий Цезарь, Карл Великий, Карл V, Людовик XIV — все побывали здесь. Ватерлоо, где в 1815 году под ударами английских, голландских и прусских армий кончилась военная и политическая карьера Наполеона, находится на расстоянии менее 20 километров от Брюсселя.

Бельгийцы стремились обеспечить себе нейтралитет в войнах между Англией и Францией, Францией и Испанией, Францией и Австрией, Францией и Германией. Лишь в 1830 году их мечта, казалось, получила свое осуществление. Бельгийские провинции впервые объединились в самостоятельное государство, и заключенный в 1839 году между основными европейскими державами договор обеспечивал вновь созданному государству «вечный нейтралитет».

Общеизвестна роль Англии в вопросе о договорном нейтралитете Бельгии. Англия, которая к тому времени приобрела преобладающее влияние в Западной Европе, была жизненно заинтересована в том, чтобы бельгийское морское побережье, в частности Антверпен и Остенде, не попало под контроль крупной континентальной державы. Эти порты чрезвычайно близко расположены к важнейшим районам Южной Англии.

Вера бельгийцев в нейтралитет еще более утвердилась благодаря тому, что во время франко-прусской войны 1870 года Бельгии действительно удалось сохранить нейтралитет.

Война 1914 года сильно поколебала эту веру. Но так крепки были старые привычки, так сильно было стремление принять желание за реальность, что вскоре после окончания войны в Бельгии начинает возрождаться «дух нейтралитета».

★

В Бельгии издавна сильно чувствовалось культурное влияние Франции. Французские книги появлялись в витринах книжных магазинов Брюсселя, Льежа, Антверпена, Гента одновременно с их выходом в свет в Париже. Парижские театры регулярно приезжали на гастроли в Бельгию со своими новинками и классическим репертуаром, что, кстати сказать, составляло опасную конкуренцию для бельгийских театров. Бельгийские театры теряли не только поэтому свои сборы, но и своих лучших актеров. Последние, как правило, поступали в парижские театры и приезжали с ними в Бельгию уже в качестве гастролеров.

Благодаря краткости расстояния (по железной дороге проезд Брюссель — Париж продолжается 3¼ часа, а на самолете это расстояние покрывается за час) все парижские газеты продавались в газетных киосках Бельгии, составляя конкуренцию для местных газет и журналов.

Почти все бельгийские газеты имели в числе своих постоянных сотрудников известных французских журналистов. Например брюссельский «Суар» ежедневно помещал статьи Ролана де Мареса, передовика парижской «Тан».

Во время «сезона» постоянными гостями в Брюсселе бывали французские политические деятели, ученые, художники, писатели, выступавшие с лекциями и докладами. Эти выступления собирали многочисленную аудиторию, так как бельгийцы очень ценят хорошую французскую речь.

С Францией Бельгию связывали также крупные экономические интересы. Между тем в плане внешнеполитическом контакт между обеими странами был очень ослаблен. Остатки старого недоверия к Франции, порожденные в свое время еще интригами Наполеона III, с одной стороны, и ослабление Франции после первой империалистической войны — с другой, — все это содействовало укреплению влияния Англии.

К началу 1936 года две основные тенденции бельгийской внешней политики: нейтрализм и англофильство — выступают очень отчетливо.

К этому времени относится начало головокружительно быстрой политической карьеры «социалиста» Поля-Анри Спаака. Он осуществляет свою заветную мечту — стать министром иностранных дел — и во всеоружии своего красноречия выступает в качестве поборника политики нейтралитета.

Для характеристики Спаака интересно отметить такой штрих.

Возражая на одном из собраний своему оппоненту, требовавшему открытого присоединения Бельгии к англо-французскому блоку, Спаак заявил:

— Почему вы думаете, что Англия лучше чем любая другая

На фото (сверху вниз): главная площадь в Брюгге; дом герцогов Брабантских в Брюсселе; Антверпен — вид с самолета.

В ПОДЗЕМЕЛЬЯХ ЛОНДОНА

Столица Англии живет с августа прошлого года двойной жизнью. По сигналу воздушной тревоги население Лондона покидает дома и устремляется под землю — в тоннели метро, в бомбоубежища, где проводит долгие часы, а сплошь и рядом целые ночи напролет. На нашем снимке показано одно из таких убежищ ночью.

империалистическая держава? Если Англия будет воевать, то не ради свободы и демократии и не за независимость малых наций, а ради интересов Британской империи. Не свобода и справедливость, а нефть и каучук — вот что вдохновляет британскую политику.

Когда присутствовавший на собрании журналист спросил Спаака, может ли он поместить это заявление в своем отчете о собрании, Спаак с любезной улыбкой ответил: если это будет напечатано, то он, Спаак, найдет возможность добиться, чтобы виновного журналиста в тот же день вышвырнули из редакции.

Нечего и говорить о том, что «левые» фразы, к которым Спаак прибегал на партийных собраниях, нисколько не мешали ему поддерживать самый тесный контакт с британским посольством.

★

10 мая 1940 года, в 4 часа 15 минут утра, над Бельгией появились в большом числе германские самолеты. В ряде пунктов ими были сброшены бомбы. Бомбежке подверглись в основном аэродромы. В результате уже в первые часы первого дня войны две с половиной сотни самолетов, составлявших бельгийскую военную авиацию, были уничтожены.

К вечеру того же дня первые английские и французские отряды моторизованной пехоты появились на улицах Брюсселя.

Начало войны сопровождалось взрывами симпатии публики к союзникам. Не было необходимости стесняться в выражении своих чувств, не надо было заботиться о сохранении нейтралитета.

Тотчас же выявилась неприглядная картина: вскрылись многочисленные пороки военной организации; началась великая сумятица; распоряжения центра сплошь и рядом не доходили по назначению; заранее предусмотренные мероприятия не были выполнены.

Далеко не единичным примером этого является случай оставления двух мостов на канале Альберта. Взрыв этих мостов был подготовлен задолго до начала войны. Между тем они не были взорваны, и германские танки имели возможность по ним пройти. Знаменитый водный барьер, в который были вложены огромные средства, не выполнил своего назначения.

Правительственный и административный аппараты с самого начала войны оказались как бы парализованными. Под видом борьбы за бдительность была создана паника, вылившаяся в ряде случаев в формы массового психоза.

Всюду стали искать и даже ловить германских «парашютистов». Что германские войска пользовались парашютистами, — в этом нет сомнения. Но и мнимые парашютисты принесли немцам тоже немалую пользу.

В Брюсселе было немало случаев, когда на улице кто-нибудь начинал кричать, что увидел «парашютиста». Немедленно толпа бросалась в погоню, а затем одного из бежавших впереди хватали и избивали в качестве «парашютиста», пока не обнаруживалось случайно, что это владелец бакалейной лавки, расположенной поблизости.

Совершенно патологический характер носила борьба с «подозрительными» лицами. На улицах, в переулках, на дорогах задерживали прохожих и проверяли документы. Так как проверка проводилась молодыми и малограмотными солдатиками, к тому же часто фламандцами, не понимающими французского языка, то эти проверки были источником колоссальной путаницы и бесчисленных недоразумений. Число «подозрительных», задержанных таким образом, было настолько велико, что не хватало арестных помещений.

Фронт быстро приближался к Брюсселю.

Когда в первые дни войны через Брюссель проезжали английские солдаты и бельгийцы приветствовали их, англичане отвечали жестом, поднимая кверху большой палец. Этот жест сразу был подхвачен бельгийцами, которые сами приветствовали им англичан. Но уже на четвертый день войны на одном из бульваров Брюсселя можно было наблюдать такую сценку: проезжает по направлению с фронта на грузовике несколько английских солдат, прохожий бельгиец приветствует их поднятием большого пальца, англичане в ответ уныло машут рукой.

Уже 13 мая стало ясно, что война развивается крайне неблагоприятно для союзников.

Начинается исход населения из Брюсселя. Первыми уезжают на своих автомобилях люди побогаче. Крупная буржуазия давно уже, с самого начала европейской войны, отправила свои семьи кто во Францию, кто в Англию, кто в Америку. Брюссель сначала медленно, потом все быстрее пустеет. Отдельные появляющиеся в Брюсселе военные очень обескуражены. Все говорят о том, что на германской

(Окончание на стр. 22).

Литературные новинки

«ОБНОВЛЕНИЕ»

(Сборник рассказов А. Эрлиха)

В разговорах о литературе, в критических статьях мы часто встречаем слова «путь писателя». Выражение это давно стерлось и обветшало. Но один маленький школьник, объясняя эти слова своим приятелям, передал их по-своему и вернул им первоначальную меткость:

— Человек долго идет,— сказал он,— через города и горы, через степи и леса, по разным большим дорогам, встречает многих людей, видит всякие случаи, думает и напевает, а потом, когда он устает, садится на траву, вспоминает то, что он узнал и придумал по дороге, и записывает все это в тетрадку. Пишет, и идет дальше, и снова потом обо всем думает, и пишет. И так пишет книгу за книгой, и чем дальше идет, тем интереснее читать его книги.

Слова эти мне вспомнились, когда я прочел новую книгу А. Эрлиха—«Обновление» (издательство «Советский писатель». 1940). Рост писателя в этой книге очень заметен. От некоторой скованности своих прежних работ Эрлих перешел к художественным обобщениям, построенным на хорошем знании материала, к спокойному и точному изложению, к прозе, значительной и заставляющей о многом размышлять.

Название книги — «Обновление» — прекрасно определяет содержание девяти рассказов, органически связанных между собой общими героями и крепким сцеплением их судеб. «Обновление» — книга о перестройке сознания, о приходе к революции людей, чей мир был в детстве ограничен обывательскими традициями. Их отцы все время «повторяли им и подчеркивали», что единственной целью жизни должны быть личное обогащение, нажива, успех.

Вместе с тем это книга о южном степном городе, через который революция прошла, как проходит многоводный разлив, смывая мусор, грязь, фальшивое семейное благополучие, удушливый уют. Город этот живет на страницах книги как полноправный герой: почти все описания города точны и хороши.

В книге очень выпуклая лепка людей. Их много, и некоторые из них показаны так остро, что становятся в сознании читателя подлинными литературными типами (например купец Марк Моисеевич Оборот).

По всем рассказам разбросано много живых, запоминающихся деталей, но самое главное в том, что соединение этих деталей дает ясное ощущение времени, верную краску необычайной, бурной эпохи, и это делает книгу Эрлиха значительной и свежей.

Константин Паустовский

«У ДНЕПРА»

В истекшем году вышел в свет (на еврейском языке) второй том моего романа «У Днепра» размером в 29 печатных листов.

Молодой человек начала нашего века выступает в романе в образе начинающего художника, который черпает свои наблюдения в среде еврейских бесправных масс.

Я поставил перед собой вопрос: что должно произойти с этим героем, если он в поисках пути к правде в искусстве не пойдет ни на какие сделки со своей совестью?

Сама логика развития образа подсказала, что путь исканий героя неизбежно должен привести его к единственно правильному мировоззрению, марксистско-ленинскому.

В книге около ста действующих лиц. Эти люди стоят на различных ступенях общественной лестницы. Среди них молодые националисты, идеологи мелкобуржуазных партий, разлагающиеся буржуазные семьи, общественные деятели либерального толка, губернские чиновники, заводчики. С другой стороны, в романе проходят представители неимущих, обездоленных слоев населения большого города, революционеры-подпольщики — будущие большевики. В книге выведены также будущие меньшевики.

Со всеми этими персонажами приходит в соприкосновение художник, герой романа, и частично пытается отразить их в своем искусстве.

В книге сделана попытка показать, как шло формирование людей революции, приверженцев Ленина и Сталина, показать их борьбу с идейным хаосом, экономизмом, оппортунизмом, со стихийностью в рабочем движении.

Д. Бергельсон

МАЯКОВСКИЙ В НОВОМ НЕМЕЦКОМ ПЕРЕВОДЕ

Издательство «Международная книга» подготовило двухтомное собрание сочинений Маяковского в немецком переводе. Недавно вышел первый том, содержащий поэмы «Владимир Ильич Ленин» и «Хорошо!» Переводы сделаны поэтом Гуго Гуппертом.

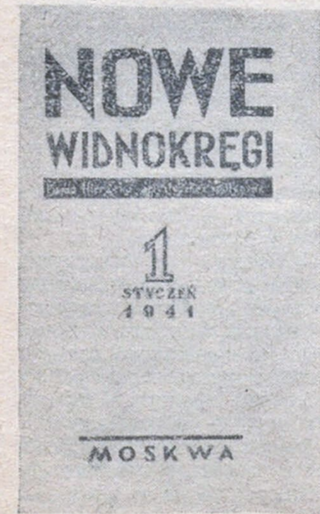
Творчество великого советского поэта давно уже привлекает внимание всего мира. Существуют сотни переводов отдельных его произведений более чем на двух десятках западноевропейских языков. Однако очень немногие из этих переводов (главным образом чешские) могут считаться достойными своего оригинала.

Несмотря на отдельные ошибки и промахи этот перевод является первым — в немецкой литературе — истинным приближением к творческому духу великого певца революции. Ощущение революционной патетики Маяковского — не формальное понимание его слов, а понимание социалистической сущности его произведений — помогло немецкому поэту мобилизовать ресурсы родной речи для полного и точного выражения могучей поэзии «агитатора, горлана, главаря».

Вл. Нейштадт

НОВЫЙ ЖУРНАЛ НА ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ

В Москве начал выходить новый литературно-художественный и публицистический журнал на польском языке под названием «Новые горизонты».

Журнал будет освещать все вопросы польской культуры, литературы, театра, а также знакомить польского читателя с жизнью Советского Союза, успехами социалистического строительства, достижениями советской науки и искусства.

К участию в журнале привлечены все лучшие польские писатели, прозаики, поэты, критики и публицисты, живущие сейчас в Советском Союзе. Такие имена, как Ванда Василевская, как знаменитый польский публицист и знаток французской литературы профессор Бой-Желенский, как поэт Ю. Пшибось и другие, несомненно, привлекут к журналу внимание самых широких слоев польской интеллигенции у нас и заграницей.

Журнал будет выходить ежемесячно в объеме 10 печатных листов.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГОЛОЛЕДИЦА

«ЗАБЛУДИВШИЕСЯ» СЛОВА

В мультипликациях нередко применяют такой прием. На экране возникает горка различных букв. Они с необычайной живостью, ловко обходя друг друга, разбегаются во все стороны и строятся в словесные ряды. Часто «заблудившиеся» буквы или слово не сразу находят свое место. Но в конце концов возникает вполне осмысленная фраза — надпись. Это выглядит забавно.

Но когда берешь в руки толстый сборник (альманах «Волжская новь» № 10 за 1940 год) и обнаруживаешь на каждой странице «заблудившиеся» слова, так и не нашедшие своего места,— тут не до смеха.

Молодой инженер-коммунист Катунин, выведенный как положительный герой нашей современности (повесть Ник. Борисова «Березанские встречи»),— на самом деле законченный пошляк. Он ведет дневник на любовные темы, где воспевает случайную встречу как идеал свободной любви. «Вспоминая ее,— записывает он в своем дневнике,— я вижу моих волосатых предков, у которых любовь была искренней, горячей, свободной от условностей».

Прямой потомок «волосатых предков», Катунин «был молод, горяч, несдержан и постоянно хотел ощущать грозовую прелесть своей молодости». Вероятно, поэтому он реагирует на уход якобы любимой жены двумя залихватскими восклицаниями: «Глупо и нелепо! Ну, что ж!» и «А впрочем, все к чорту — выпьем». Буквально тут же, не желая ни на минуту утрачивать ощущения «грозовой прелести», Катунин начинает «ухаживать» за некоей Ольгой, пробивая путь к ее сердцу «оригинальным» тостом: «Выпьем, товарищи, за женщин... За красивых и умных! За отважных и дерзких! За наших женщин!»

Картина строительства в повести выглядит так: «С утра до глубокой ночи в Березани с т о я л г в а л т, слышались скрип тележных осей, конское ржание, шутки, смех, песни». Не менее ярка картина разбушевавшейся стихии, когда «деревья... з а г а л д е л и на своем языке».

В альманахе то и дело попадаются малограмотные фразы: «Сабир не захотел себе ущерб делать», «Цветы д а ю т какой-то волнующий запах», «Яблоки п о к л а л и в карманы», «Он с удовольствием п о в е с и л п л е в о к на бороду Грача», «Он, видимо, п р и з н а л меня за к о г о-т о из родных», «За непомерный рост и о д и н героический поступок красноармейцы прозвали Охроменко Голиафом», «Он поддержал девушку своим басовитым голосом» (из рассказов И. Горюнова).

В наброске сценарного плана «Дмитрий Донской» П. Нилли, названном почему-то «Лирико-эпические сцены», находим такие перлы:

«Хмурятся деревья. Птица летит с ветвей одного, птица летит с ветвей другого, словно стрелы из тугого лука», «В углах с о в е щ а ю т с я голоса», «Всадник снимает голову горожанину, который разговаривал с женщиной».

У авторов альманаха «Волжская новь» нет ясного представления ни о нашей жизни, ни о советских людях, ни о законах литературного мастерства, ни о простой грамоте. Впечатление такое, что авторы хватают случайно подвернувшиеся слова и тычут их куда попало.

О. Резник

Искусство

БЕССМЕРТНАЯ КОМЕДИЯ

В 1902 году в Малом театре была поставлена и, по словам одного из критиков, холодно принята публикой «Школа злословия» Шеридана. «Старушка-пьеса,— писали в газетах,— не ожила на русской сцене, до которой она совершала такой долгий путь, и осталась, как и была, старой». В «Новом времени» были даже напечатаны стишки небезызвестного в то время театрального поэта Lolo, сожалевшего, что прекрасным актерам Малого театра (в спектакле участвовали: сэр Питер — знаменитый Ленский, леди Тизл — Лешковская и Чарльз — Остужев, ныне народный артист СССР) приходится играть архивный хлам. Lolo писал:

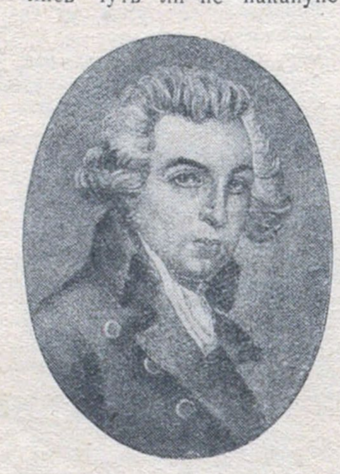
«...позабытый Шеридан,
Который был навеки сдан
Друзьям истории, нежданно
Был извлечен... И, право, странно,
Что в исторической пыли
Его зачем-то обрели».

В самом деле, комедии Шеридана в 1902 году было уже 125 лет. Критики, пожалуй, имели основание величать ее старушкой.

Автор «Школы злословия» Ричард Бринсли Шеридан родился в Дублине в 1751 году. Недоучившийся сын бедного актера, он был баловнем судьбы и в короткий срок стал одним из самых блестящих людей своего времени.

Сохранившаяся груда тетрадей и листов бумаги с вариантами, набросками и замыслами отдельных сцен свидетельствует о том, с каким упорством трудился Шеридан над «Школой злословия», добиваясь занимательности сюжета, остроумия и легкости диалогов, яркости характеристик.

Времени на отделку пятого акта у Шеридана не хватило. Актеры театра «Дрюри-Лэйн» разучивали последние сцены по частям, по мере их написания. Последние исправления вносились чуть ли не накануне

Автор комедии «Школа злословия» Ричард Бринсли Шеридан.

премьеры. В конце рукописи Шеридан, облегченно вздохнув, написал: «Слава богу, конец...» И суфлер театра Гопкинс добавил: «Аминь».

Пьеса была поставлена самим Давидом Гарриком. Он же написал к ней пролог. Премьера 8 мая 1777 года прошла с совершенно небывалым успехом. Целый год подряд ставили потом одну «Школу злословия», потому что «успех ее убил самую возможность постановки других пьес». Зрителей привлекало в «Школе злословия» жестокое сатирическое разоблачение клеветничества и ханжества, процветавших среди так называемого высшего общества. Содержание этой пьесы — история супругов Тизл, которых стремятся опозорить завсегдатаи аристократического салона леди Снирузлл,— стало вскоре общеизвестным.

В Россию «Школа злословия» проникла очень быстро. Уже через десять лет после премьеры секретарь Екатерины II Храповицкий поднес императрице комедию Шеридана в немецком переводе. «Сказано,— писал Храповицкий,— что дорого 200 р. за перевод, но после комедия похвалена...» Екатерина сама принялась было переводить комедию на русский язык, однако работу эту скоро забросила, и до нас дошло только несколько сцен под заглавием «Злоречивые или клеветники». Как и многие последующие переводчики, Екатерина руссифицировала имена шеридановских героев. Леди Снирузлл она назвала Пустобаевой, Снэйка — Болтовняком, и т. д.

В конце XVIII и в XIX веке комедия Шеридана не раз переводилась на русский язык с обычной для тех времен вольностью. Текст «Школы злословия» искажался, менялось даже самое название пьесы. Эти переводы подолгу держались на сцене только благодаря игре таких замечательных актеров, как Щепкин, Мочалов, Сосницкий и др.

Лишь в конце XIX века были одновременно изданы три точных и добросовестных перевода шеридановской пьесы. Один из них был воплощен на сцене Малым театром. Но, как мы уже говорили, «старушка»-комедия показалась москвичам скучной.

Ныне «Школу злословия» поставил (на сцене филиала) Московский Художественный театр.

Коллектив театра во главе с художественным руководителем постановки народным артистом РСФСР В. Сахновским и режиссерами заслуженным артистом Н. Горчаковым и П. Ларгиным воскресили прекрасную, увлекательную комедию и совершенно опровергли ходячее мнение о ее устарелости.

«Пьеса прекрасная, роль великолепная»,— сказал нам заслуженный артист республики М. Яншин. Многие актеры проявили инициативу, помимо режиссуры. В. Истрин, найдя у современника Шеридана, писателя Смолетта, прообраз капитана Раули, которого он играет, украсил текст своей роли колоритными морскими выражениями. В. Вербицкий написал отличные двустишья к роли Гарри Бемпера. Все это, как и некоторые другие дополнения или купюры, сделанные театром, ни в какой мере не искажает духа комедии. Театр работал над ней около двух лет.

Замечательно легкий и живой спектакль прочно вошел в репертуар Художественного театра. Каждый вечер, когда идет «Школа злословия», зрительный зал филиала переполнен.

Раздвигается знакомый занавес с чайкой, и на фоне второго, сделанного специально для «Школы злословия» занавеса появляется седой и толстый сэр Питер. Словно старым друзьям, поверяет он публике свои семейные горести. Это М. М. Яншин. Роль его жены, молодой и тщеславной леди Тизл, исполняет народная артистка РСФСР О. Н. Андровская. Все четыре акта ссорится эта пара. И в отчаянии леди Тизл готова изменить своему мужу с иезуитски-хитрым, притворным ханжой и развратником Джозефом. Заслуженный артист А. Кторов в этой роли темпераментно и ярко играет английского Тартюфа, английского Молчалина.

Зрители торжествуют, когда Джозеф разоблачен и супруги Тизл наконец примирились. Ибо, хотя почти 165 лет прошло со времени первого представления, бессмертная комедия Шеридана волнует и смешит нас, обличая ханжество, клевету и разврат, противные человеку страны социализма.

К. Рудницкий

Сцена из комедии Шеридана «Школа злословия». Леди Тизл — народная артистка РСФСР О. Н. Андровская, сэр Питер — заслуженный артист РСФСР М. М. Яншин.

Фото М. Сахарова.

ИРИНА ГОШЕВА

И. Гошева в роли Ирины («Три сестры» А. Чехова в МХАТ).

Фото С. Шингарева.

Сравнительно недавно, восемь лет тому назад, Ирина Гошева окончила Ленинградский техникум сценических искусств, где непосредственным воспитателем ее таланта был режиссер Л. Вивьен.

В 1935 году Гошева поступила в Ленинградский театр комедии. Здесь ей сразу же поручили очень трудную роль Мадлэн в переводной пьесе Вернейля «Мое преступление» — и она успешно справилась со своей задачей. Следующей ее работой была роль Дианы в «Собаке на сене» Лопе де Вега. Образ Дианы очень сложен. Многие относят его к десятку труднейших женских ролей в мировой драматургии. Гошевой Диана принесла известность. Правдиво и непосредственно играла она мгновенные переходы своей героини от суровости к капризам, от гнева к ласкам и от смеха к слезам.

В дальнейшем Ирина Гошева играла самые различные роли, для всех находя на своей палитре яркие и неожиданные краски.

Но все обаяние Гошевой, вся тонкость ее искусства раскрылись только год назад, когда она сыграла Аннунциату в сказке Евгения Шварца «Тень». Гошевой удалось создать образ трогательный и забавный, она сумела одновременно быть самой сказочной и самой сегодняшней.

После декады ленинградского искусства Ирина Гошева была приглашена в Московский Художественный театр имени Горького.

Под руководством народного артиста СССР Вл. И. Немировича-Данченко и заслуженной артистки Н. Н. Литовцевой Гошева приготовила роль Ирины в чеховских «Трех сестрах» за полтора месяца. 30 ноября 1940 года Гошева впервые выступила на сцене Художественного театра. Играла она с огромным подъемом.

В настоящее время Ирина Гошева готовит роль Офелии в «Гамлете» Шекспира.

ОКНО В РЕАЛЬНЫЙ МИР

Совсем недавно на наших глазах съемочный киноаппарат проник в мир звуков. В то же время совершенствовалось его зрение. Аппарат уже ощущал цвет и как очарованный любовался яркими красками природы.

Люмьеровский потомок не мог постичь только объема вещей. У человека два глаза, он видит одновременно с разных точек зрения и создает в сознании объемное изображение. У аппарата был всего лишь один глаз. Над устранением этого прирожденного дефекта трудились виднейшие изобретатели мира. Честь нового открытия принадлежит советскому изобретателю С. П. Иванову, решившему проблему стереокино смело и оригинально.

И вот первый стереофильм на экране! В столичном кинотеатре «Москва», оборудованном для демонстрации стереофильмов, все необычно. Кусок белого полотна, натянутый на плоскость, оказался не в силах передать третье измерение пространства—глубину. Перед экраном вырос гигантский растр — 30 тысяч

Кадр из стереоскопического фильма «Земля молодости».

тончайших проволочек, общей протяженностью в 150 тысяч метров.

Кинопроэктор посылает на экран два изображения, полученные с разных точек зрения,—соответственно правому и левому глазам. Изображения проходят между проволочками растра и укладываются на экране чередующимися полосками. Но зритель все же видит два кадра. Правый глаз смотрит на «свои» плоскости, составляющие кадр, левые закрыты от него растром. И наоборот. Теперь зрителю нужно поймать «точку зрения». Остальное дополнит работа мозга. Возникнет третий кадр — объемный.

Рамок экрана нет. Перед нами широко распахнутое окно в реальный мир. Нарушен классический размер экрана, вдвое сокращена его ширина. Но нет даже намека на ощущение тесноты. Центр действия переместился из плоскости в глубину. Действие развертывается где-то за экраном и впереди него, над зрителями...

Пионеры стереоскопического кино — режиссер А. Андриевский и оператор Д. Суренский. Ими создан фильм «Земля молодости».

Берег Черного моря... Петергофские фонтаны... Фрагменты концертной программы, объединенные темой молодости и жизнерадостности... Все, что составляет содержание фильма, реально, почти ощутимо. Это уже не мелькающие тени кинематографа, а жизнь, увиденная сквозь волшебное окно стереоэкрана. В окне появляется море и чувствуешь фактуру воды, глубину перспективы. Перед глазами возникает

С. П. Иванов—изобретатель стереокино.

сказочный сад, и в зрительном зале, словно на воле, резвятся птицы, то размахивая крыльями над головами зрителей, то удаляясь далеко за экран. Цветные кадры, вкрапленные в фильм, делают еще богаче зрительные впечатления.

И. Русанов

НОВАЯ ОПЕРА СЕРГЕЯ ПРОКОФЬЕВА

1940 год был для Сергея Прокофьева годом напряженной и плодотворной творческой работы. Весной состоялась премьера его оперы «Семен Котко», а в последних числах декабря он завершил оркестровку нового произведения для музыкального театра—лирико-комической оперы «Обручение в монастыре».

— Основой для сюжета моей оперы,—рассказал нам Сергей Сергеевич,— послужила комедия английского классика XVIII века Шеридана «Дуэнья». Пьеса Шеридана никогда не шла на русской сцене. Сюжет ее несложен: отец хочет выдать дочку замуж за богатого, но старого; девушка убегает из родительского дома к бедному, но молодому и любимому. Эта старая, тысячу раз использованная сюжетная схема разработана Шериданом с большим юмором, в острых сценических ситуациях. Действие пьесы и, следовательно, моей оперы происходит в Севилье, вероятно, в начале XVIII века.

Прокофьев обычно сам пишет тексты для своих произведений. Он автор не только музыки, но и либретто опер «Огненный ангел», «Игрок», «Любовь к трем апельсинам».

Композитор придает слову в опере огромное значение и предпочитает вопреки установившимся традициям прозаическое либретто стихотворному.

Либретто новой оперы написано С. Прокофьевым прозой. Лишь в некоторых сценах он использует белый стих. Либретто оперы значительно отличается от пьесы Шеридана.

— Современная опера не может быть статична,— говорит С. Прокофьев.— Сценическое действие — не менее важный элемент оперного спектакля чем музыка и пение. Так же как и в моей предыдущей работе («Семен Котко»), я старался в новой опере так построить сценический план, чтобы во время исполнения вокальных партий действие на сцене не замирало. Может быть, поэтому в опере много разнообразных речитативов, двигающих действие. В ней немало также арий, ариетт, дуэтов, ансамблей, хоров.

Театр имени К. С. Станиславского уже приступил к постановке новой оперы Сергея Прокофьева.

Г. Карлов

Искусство

Сергей Прокофьев за работой.
Фото В. Минкевича.

ХУДОЖНИКИ ЗАПАДНОЙ УКРАИНЫ

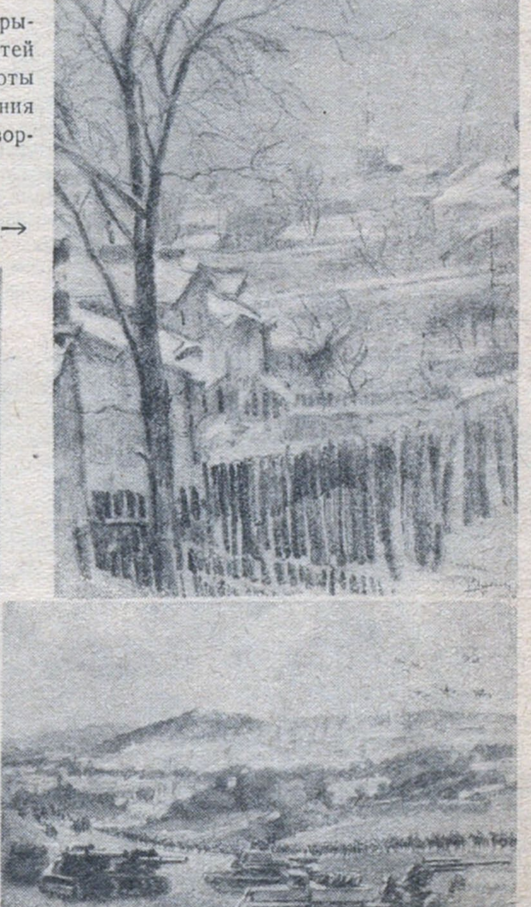
В восьми залах Музея нового западного искусства в Москве открылась первая выставка изобразительного искусства западных областей Украины и творчества гуцулов. На выставке представлены работы живописцев, графиков, скульпторов. Экспонируются также произведения древней иконописи и архитектуры. Особый интерес представляет творчество гуцульского народа.

Мы помещаем несколько снимков экспонатов выставки.

«Зима во Львове» — работа художника Я. Глязнера. →

«На забаву» — работа художника О. Новаковского.

«Каменщик» — работа художника Я. Пстрака.

«Вступление Красной Армии во Львов» — работа художника З. Развадовского.

ТОВАРИЩ БОГДАН

Н. Ростов

Как только в Портсмуте был подписан мирный договор с Японией, из Маньчжурии на запад непрерывным потоком двинулись демобилизованные, познавшие на своем опыте преступную, антинародную политику царизма. Среди солдат росли революционные настроения. Они братались с железнодорожниками, поднявшими в Сибири знамя революции.

Тогдашний премьер-министр граф Витте писал Николаю II: «Положение на сибирских дорогах таково, что скоро будет поздно принимать решительные меры. Вместо войск, способных подавлять в стране революцию, мы скоро будем получать из Маньчжурии толпы вооруженных бунтовщиков, что явится уже прямой угрозой государственному строю».

Для усмирения «бунтовщиков» были посланы две карательные экспедиции. Одну возглавлял генерал Ренненкампф, другую — генерал Меллер-Закомельский, только что подавивший севастопольское восстание.

13 ноября 1905 года Николай II подписал телеграмму на имя главнокомандующего маньчжурской армией генерала Линевича о поручении генералу Ренненкампфу, находившемуся в то время в Харбине, самыми жестокими мерами усмирить железнодорожников. Телеграф бастовал. Телеграмма была послана по железнодорожному телеграфу, но ее задержали железнодорожники. Пришлось послать ее через Нагасаки, то есть через Японию. Ренненкампф выехал из Харбина с отрядом только 9 января 1906 года.

Отряд Меллер-Закомельского отбыл из Москвы 1 января 1906 года. Достигнув Сибирской дороги, Меллер-Закомельский стал чинить расправу. Железнодорожников арестовывали, избивали, расстреливали.

31 января 1906 года на станции Мысовая Меллер получил от Ренненкампфа телеграмму с просьбой помочь взять Читу, которая была центром восстания в Сибири. Меллер отдал приказ быстро двинуться на восток. Возник вопрос, как поступить с арестованными, которые содержались в вагоне, прицепленном к поезду карательной экспедиции. Все это были люди, случайно захваченные на разных станциях. Среди арестованных были видные революционеры и железнодорожные телеграфисты, задержавшие «высочайшую» телеграмму. Таких насчитали шесть человек. Меллер отдал приказ об их расстреле.

Это было 31 января. Стоял крепкий сибирский мороз. Часовые открыли двери арестантского вагона. Всем арестованным предложили выйти. Отобрали шесть осужденных. Остальных арестованных разделили на две части. Одну под конвоем отвели в жандармское отделение станции, других тут же, на платформе, избили нагайками, а затем отпустили на все четыре стороны.

Среди шести обреченных был рабочий-металлист Иван Васильевич Бабушкин — один из первых организаторов социал-демократической партии, известный в революционных кругах под именем «Богдана».

Революционная деятельность Бабушкина началась на заре рабочего движения в России. Он рано познакомился с революционным подпольем: посещал рабочий кружок и вскоре сам стал организатором таких кружков.

В 1894 году Бабушкин встретился с В. И. Лениным. Эта встреча имела решающее значение для дальнейшей судьбы Бабушкина. С первого дня знакомства Бабушкин говорил о Ленине с восхищением. Для Ленина Бабушкин был честным и беззаветно преданным делу рабочего класса пролетарием, скромным, дисциплинированным революционером.

С начала 1895 года петербургские социал-демократы под влиянием В. И. Ленина перешли от

Иван Васильевич Бабушкин.

«кружковщины» к массовой агитации среди рабочих.

В конце 1894 года Ленин при участии Бабушкина написал первую агитационную листовку и обращение к забастовавшим рабочим Семянниковского завода в Петербурге. Ее распространял сам Бабушкин.

Оживленная агитация социал-демократов вызвала переполох в рядах правительства, и в ночь на 21 декабря 1895 года в Петербурге были произведены массовые аресты членов петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Арестован был и Владимир Ильич.

Вместе с уцелевшими товарищами Бабушкин принялся за восстановление организации, стал налаживать распространение нелегальной литературы, написал прокламацию «Что такое социалист и политический преступник?»

★

Бабушкин был автором первой политической прокламации, направленной против правительства.

17 января 1896 года Бабушкина тоже арестовали и после года одиночного заключения выслали на три года в Екатеринослав, где он сразу же занял руководящее положение в с.-д. организации. Следуя указаниям В. И. Ленина и используя петербургскую практику, Иван Васильевич применял в Екатеринославской организации новые методы агитации и пропаганды, организовал подпольную типографию, где печатались прокламации и нелегальная газета «Южный рабочий».

В начале 1900 года в связи с многочисленными арестами Бабушкин был вынужден скрыться из Екатеринослава. Перейдя на нелегальное положение, он вернулся в Петербург. В это время в Пскове у В. И. Ленина происходили совещания о создании «Искры». По вызову Ленина Бабушкин приехал в Псков, он принял участие в совещании и получил от Владимира Ильича указание о своей дальнейшей деятельности.

Революционер - профессионал, представитель «Искры», Бабушкин поселился в Орехово-Зуеве под видом мелкого торговца. Здесь он продолжал вести организационную и пропагандистскую работу и был первым рабкором «Искры», освещавшим жизнь и быт рабочих-текстилей.

Деятельность Бабушкина была прервана новым арестом 24 декабря 1901 года. Жандармы отправили его в Екатеринослав, где он привлекался по старому делу. 29 июля 1902 года Бабушкин, перепилив решотку окна, бежал из тюрьмы и уехал в Лондон.

В Лондоне Бабушкин пробыл недолго. По предложению Владимира Ильича, который в это время тоже был в Лондоне, Бабушкин вернулся в Петербург, на этот раз уже в качестве представителя «Искры».

Благодаря большому охвату революционной борьбы и выдающимся личным дарованиям Бабушкин стал руководителем всей партийной работы в Петербурге.

Когда началась подготовка созыва второго съезда партии и был создан Организационный комитет, Ленин советовал ввести в Комитет Бабушкина. Осуществить это не удалось, так как 20 января 1903 года Бабушкин снова был арестован и сослан на пять лет в Верхоянск.

В ссылке он много читал, учился сам и учил других ссыльных, делясь с ними своим революционным опытом.

Революция 1905 года освободила Бабушкина. Закаленный большевик сразу по прибытии в Иркутск вошел в состав местного комитета партии.

В декабре 1905 года партия направила Бабушкина в Читу, где власть была захвачена большевиками.

В ночь под новый, 1906 год в Иркутске был арестован весь комитет партии. Бабушкин поспешил из Читы в Иркутск для восстановления разгромленной организации, но на станции Мысовая был задержан карательной экспедицией Меллер-Закомельского.

Пока избивали нагайками освобождаемых и передавали жандармам арестованных, группа обреченных стояла на платформе. Бабушкин пытался выведать у конвойных, почему он и остальные пять арестованных изолированы, но конвойные угрюмо молчали. Когда стемнело и на станции зажгли фонари, к группе подошел полковник Заботкин — комендант поезда Меллера. Он осмотрел всех шестерых и, глядя в сторону, торопливо произнес:

— Вас всех сейчас расстреляют!

Всех шестерых отвели в сторону от станции, на небольшую площадку, где одиноко светился фонарь.

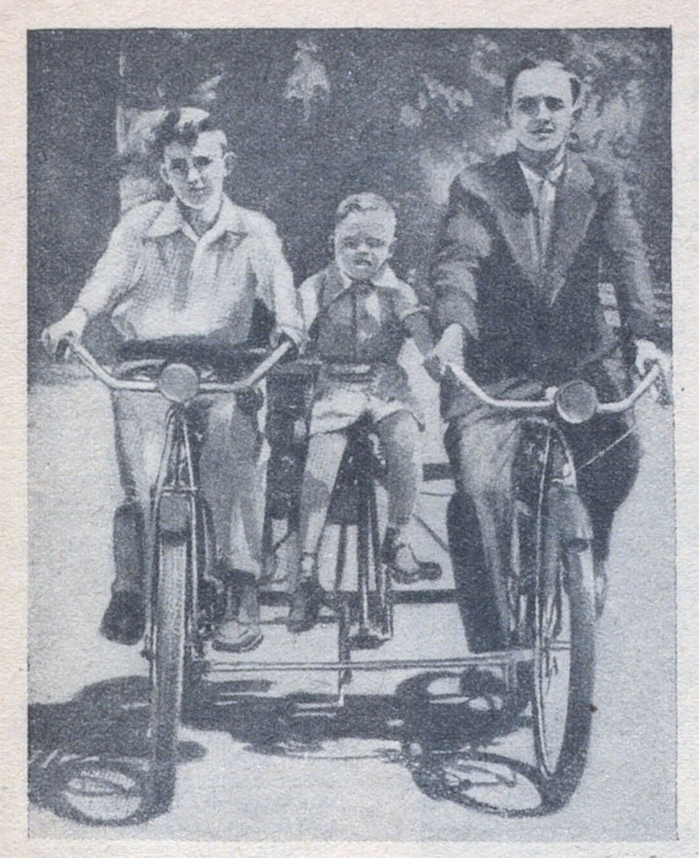
К месту расправы подошел отряд под командой поручиков Гагарина и Писаренко. Солдаты взяли первого попавшегося из шести и поставили его у фонарного столба. Гагарин отдал команду — грянули отдельные выстрелы, но залпа не получилось: большинство ружей дало осечку. Растерявшийся Гагарин приказал дать второй залп — снова повторилась беспорядочная стрельба.

Через пятнадцать минут все шестеро без суда были расстреляны. Бабушкин был убит последним.

Когда пришла его очередь, он спокойно стал у окровавленного столба. Отказавшись перед расстрелом назвать свое имя, этот еще молодой человек, полный жизни и революционного огня, до конца остался стойким и мужественным бойцом за дело рабочего класса.

«Расстрел Бабушкина карательным отрядом барона Меллер-Закомельского».
Картина худ. Кукрыниксы.

Американским изобретателем сконструирован «семейный велосипед», который собирается из двух стандартных велосипедов и одного — детского.

ЗА РУБЕЖОМ

ВОКРУГ ГОЛЛИВУДА

(По страницам зарубежных киножурналов)

КРИК ФЕЙ РОЙ

В США пользуются особым успехом «страшные» кинокартины. На этих «ужасах» взошла слава киноактрисы Фей Рой. Без ее криков, леденящих кровь, лет пять назад не обходился ни один фильм.

Ныне некоторые американские режиссеры не утруждают себя работой над криком актрис. Все равно, мол, лучше Рой не крикнешь. Режиссер просто обращается в фильмотеку студии. Там, на полках, аккуратно лежат пленки с надписями: «Крик драматический», «Крик истерический», «Крик ужаса», «Крик боли»... Это все — «крики души» той же Фей Рой, прозвучавшие пять лет тому назад.

«1 000 000 ЛЕТ ДО НАШЕЙ ЭРЫ»

Так называется один из последних американских фильмов. В этом фильме участвуют мамонты, динозавры, гигантские очковые змеи и много других представителей доисторической фауны.

Легче всего обстояло дело с мамонтом. Роль мамонта выполнял живой слон, загримированный соответствующим образом. К бокам слона, к его ушам и хоботу была приклеена длинная шерсть черных козлов. Бивни слона были удлинены металлическими наконечниками.

Заставить играть на экране динозавров и им подобных оказалось гораздо труднее. Для этой цели были сконструированы сложные механические чудовища весом по 60—70 тонн.

ЦЕНА ЖИЗНИ

Вдали от Голливуда, в прериях Аризоны, снимается фильм «Аризона», рисующий борьбу американских переселенцев с индейскими племенами в начале XIX века.

«Эпизоды диких схваток,— пишет корреспондент одного киножурнала,— снимаются без всяких мер предосторожности. Я видел, как артист, игравший роль индейца, сорвался на полном скаку с седла, перепрыгнул через воловью упряжку и со всего размаху сшибся с врагом.

Перед съемкой он сидел рядом со мной. Он явно нервничал. «Я не знаю,— сказал он,— чем это закончится. Каждая съемка может быть для меня последней».

За смертельный риск он получил 500 долларов. Его товарищ на прошлой неделе должен был (по сценарию) упасть с коня во время скачки. Он действительно упал, но при этом сломал себе позвоночный столб. За это он получил 250 долларов».

Американские страховые компании не хотят страховать этих артистов; они поэтому застрахованы в английской компании Ллойд.

Съемки производились вблизи одного из немногих индейских заповедников, где живут остатки индейского племени Наваго. Настоящие индейцы наотрез отказались принимать участие в съемках.

ТЕАТРАЛЬНЫЙ РАСПОРЯДОК В 1803 ГОДУ

Венская газета «Нейес винер тагблат» приводит текст правил, действовавших в «Областном театре в Линце» (Австрия) в 1803 году. Правила, составленные директором театра Георгом Денглером, являются, по словам газеты, «даже и сейчас чрезвычайно актуальными».

«Никто из актеров,— говорится в правилах,— не вправе вернуть присланную ему роль и заявлять отвод против своих партнеров. Если, однако, актер будет продолжать ворчать несмотря на сделанное ему внушение, то он уплачивает штраф в размере четверти месячного оклада. Если же он откажется от порученной роли, то подлежит немедленному увольнению либо к нему применяются меры административного воздействия.

За распространение клеветнических слухов, могущих повредить общему делу и посеять раздор среди участников труппы, налагается штраф в 2 гульдена».

Театральный регламент предусматривает кары за все случаи нарушения дисциплины. За опоздание на репетицию—штраф в 24 крейцера.

Если на генеральной репетиции актер не знает своей роли и «не может свободно продолжать, когда суфлер подсказывает начало фразы»,— штраф в 24 крейцера. Штраф в 30 крейцеров полагается, если актер не вовремя выйдет на сцену или уйдет не тогда, когда полагается. «Актер теряет месячный оклад, если он так плохо играет, что публика это замечает и приходит в возмущение».

«Каждый актер обязан, если потребуется, выступать в качестве статиста и исполнять немые роли, ибо нет такой роли на сцене, которая могла бы унизить человека. Каждый певец или певица обязаны участвовать и в хоре. Кто воспротивится, платит штраф в размере 1 гульдена».

«Актрисы уплачивают штраф в 24 крейцера в случае, если они во время репетиции или представления будут заниматься рукоделием».

Менее строго карали актера, бравшего с собой на сцену свою любимую собаку: за это полагался штраф в 12 крейцеров.

ПРОТИВОИПРИТНЫЙ КОСТЮМ В ДАМСКОЙ СУМКЕ

В Англии выпущен карманный противоипритный костюм (состоящий из капюшона, блузы, брюк, перчаток и ботинок). Он умещается в дамской сумке.

Костюм изготовлен из промасленного шолка.

СТРАНИЦЫ ПРОШЛОГО

(Перенос со стр. 5)

В ноябре 1914 года все больше приближался к нам гул пушек.

Если взойти на пригорок, с которого открывалась вся долина реки Скавы, можно было видеть, как непрерывно ползли в обе стороны черные гусеницы поездов: одни везли в Карпаты солдат, другие отвозили назад, в глубь страны, раненых. Во всякое время дня шли по дороге за несколько километров на станцию деревенские женщины. Они забирали из домов все, что могли, и несли раненым: молоко уцелевшей от реквизиции коровы, чай, заваренный из сушеных листьев земляники, лепешки из овсяной муки. Делились с ранеными своим крошечным богатством, отдавали им в ущерб себе, своим детям ту жалкую пищу, которую еще можно было найти в избе.

День и ночь шли поезда. Тянулись по дороге в местечко деревенские женщины, чтобы отнести раненым яблоки, собранные в садах, груши с деревьев на межах, хранившиеся раньше в сене, на чердаке, или в амбаре, в ларе, на зиму.

Все ближе становился гул пушек. Он перекатывался, как отдаленный гром, висел в воздухе над покрытыми уже снегом полями. И однажды с той стороны, где грохотали пушки, примчалась весть. Она обрушилась на деревню, сея страх: казаки!

Люди выходили из домов и с побледневшими лицами глядели в сторону широкой долины. Это там, от Карпат, отступали войска и шла царская армия. В деревне женщины прятали остатки зерна, закапывали в землю свои скромные богатства...

В местечке собрались на совет бургомистр, ксендз и несколько владельцев вилл. Они порешили, что вступающих в местечко казаков следует встретить хлебом-солью и таким образом снискать их расположение. Подать хлеб-соль—символ гостеприимства—на обыкновенном подносе нельзя было. Поднос должен был быть серебряный. Начались мучительные поиски. Серебряного подноса ни у кого не было. Я не знаю, чем кончились эти поиски, нашли, наконец, ксендз и бургомистр серебряный поднос или нет. Царские войска отступили. Наша долина так и не увидела казаков. Но в мою память глубоко врезался этот контраст: деревенские женщины из бедной деревушки, отдающие раненым солдатам все, что имеют, и ксендз с бургомистром, готовящиеся к торжественной встрече тех, кого они всю жизнь считали врагами своей родины.

Тогда, быть может, впервые мне пришла в голову мысль, которая потом все больше утверждалась во мне и которой я посвятила одну из моих книжек,— мысль, что отечество капиталиста, помещика и ксендза—нечто совсем иное чем отечество простого человека и что по-настоящему любит свою родину только простой человек. Капиталист и помещик всегда будут готовы продать и предать свою родину за деньги, из страха, ради защиты своих собственных классовых интересов.

(Продолжение в следующем номере).

Перевод с польского Л. КОН

В МИРЕ НАУКИ И ТЕХНИКИ

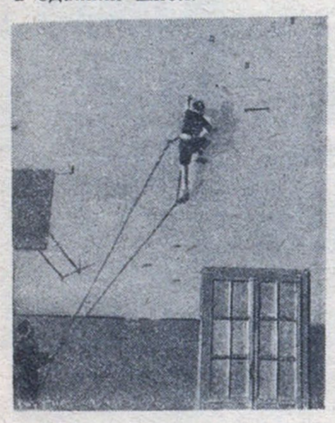
ДИКТОФОН НА 16 ГОЛОСОВ.

«Многоголосый диктофон», сконструированный лосанжелосским изобретателем Германом Геллером, дает возможность записывать одновременно до шестнадцати голосов или различных шумов, воспринимаемых 16 отдельными микрофонами. Он предназначен главным образом для испытательных полетов.

Пилот и механики могут передавать свои наблюдения из разных точек машины одновременно и в то же время регистрировать на том же диктофоне различные механические вибрации отдельных частей самолета. Запись производится на двух стальных лентах. При расшифровке диктограммы работает одновременно столько машинисток, сколько голосов записано на лентах; они принимают диктовку через микрофоны.

ТРЕНИРОВКА АЛЬПИНИСТОВ

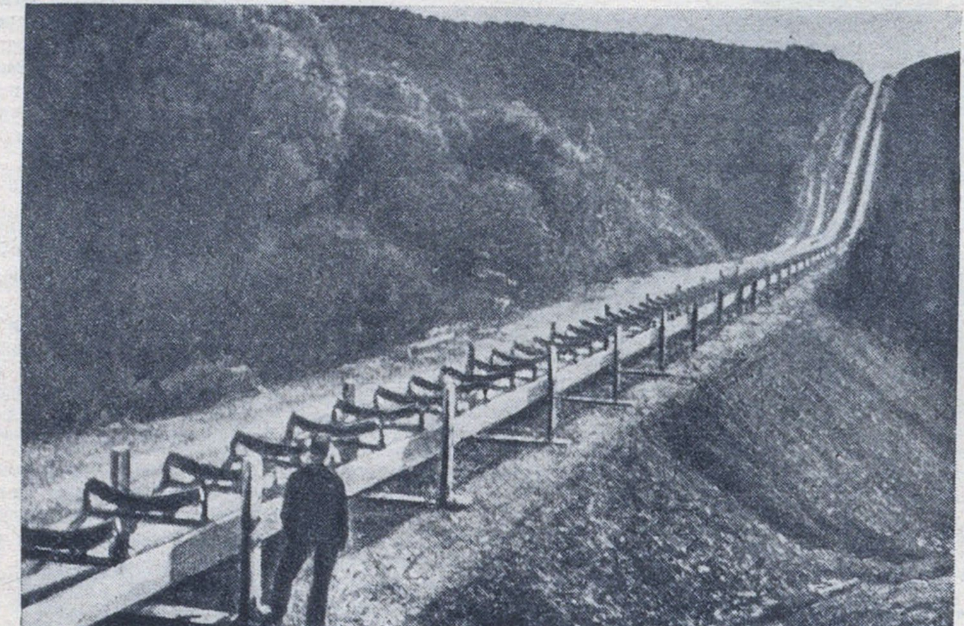
В итальянских школах альпинизма подготовительное обучение производится в зданиях школ.

Будущие альпинисты, следуя указаниям инструктора, лезут... на стену. Высокая стена гимнастического зала усеяна крюками и скобами на самых различных расстояниях.

«ДВИЖУЩАЯСЯ ДОРОГА»

Представьте себе дорогу, пропускающую непрерывный поток грузов — 22 тысячи тонн в сутки. Вы не увидите на ней ни одной подводы, ни одного грузовика.

Эта дорога тянется 16 километров. Она поднимается на вершины холмов и спускается в долины, пересекает реки, ручейки и овраги, переходит на железнодорожные магистрали и на шоссейные дороги.

Дорога эта — не фантазия: она соединяет карьер, где добываются песок и другие материалы для строительства огромной плотины Шаста (США), с площадкой строительства.

«Движущаяся дорога» — это огромный конвейер, длиной в 16 километров, представляющий собой непрерывную цепь ленточных транспортеров.

На невысокой деревянной эстакаде, на которой в общей сложности были смонтированы 16 тысяч опорных роликов, уложена бесконечная лента из прорезиненной парусины.

Трасса конвейера разбита на 26 пролетов-секций, представляющих собой самостоятельные транспортеры. С одного транспортера груз поступает в бункер следующего.

Каждый транспортер приводится в движение мотором в 200 лошадиных сил. Общая мощность силовых установок «движущейся дороги» составляет, таким образом, 5200 лошадиных сил.

В случае аварии одного мотора автоматически выключаются все промежуточные секции (на участке между аварийной секцией и карьером).

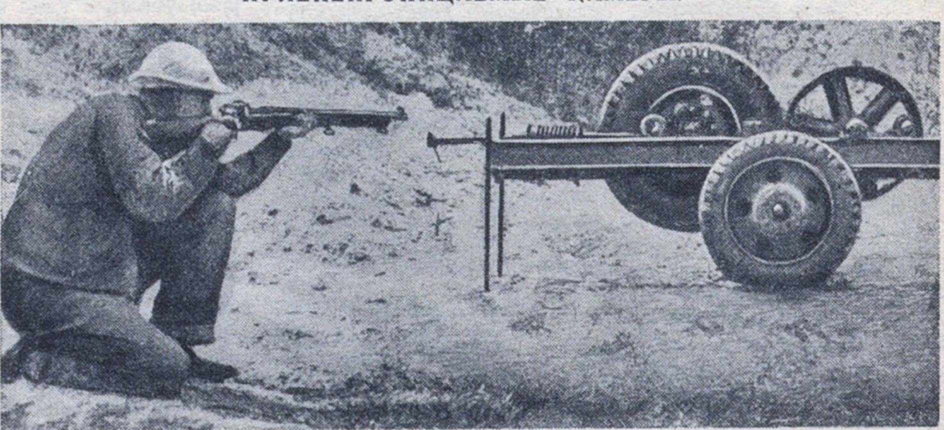
Производительность транспортера позволяет создать запасы песка и гравия на строительной площадке, что дает возможность выделить время для ремонта и осмотра «движущейся дороги».

Вдоль трассы транспортера построена служебная автомобильная дорога, по которой курсируют патрульные автомобили. В них разъезжают обходчики — монтеры этой своеобразной дороги.

Патрульные автомобили оборудованы установками для двухсторонней радиосвязи с диспетчером. Когда обходчик отлучается от машины, он оставляет включенным мощный громкоговоритель. Таким образом, имеется возможность вызвать к аппарату обходчика, даже если он находится на линии.

По первоначальному проекту для транспортировки стройматериалов предполагалось соединить карьер со стройплощадкой железной дорогой, однако подсчеты показали, что «движущаяся дорога» более рентабельна.

ПУЛЕНЕПРОНИЦАЕМЫЕ КАМЕРЫ.

Камеры для пневматиков, изготовленные из каучука особого состава, «проглатывают» винтовочные и пулеметные пули, почти мгновенно затягивая полученные ими «ранения». На испытаниях в США несколько машин, колеса которых были пробиты пулями, прошли 200 миль без заклейки камер и без накачивания воздуха.

БЕЛЬГИЙСКИЕ ЗАРИСОВКИ

(Перенос со стр. 16)

стороне огромную роль играет авиация.

Германские пикирующие бомбардировщики волнами в несколько десятков машин налетали на бельгийские позиции, обдавая их шквальным огнем пулеметов и бросая бомбы. Все это сопровождалось наводящим ужас воем специальных, поставленных на этих самолетах сирен.

Успех германской авиации обеспечивался тем, что она не встречала ни английской, ни французской авиации. Если английские самолеты от времени до времени и появлялись, то французских не было видно совсем.

Утром 17 мая бельгийское правительство покинуло Брюссель и переехало в Остенде. В течение 17 и 18 мая в Брюсселе не было властей. Исчезли с улиц даже монументальные брюссельские полицейские в белых касках. В городе царила тишина, большинство магазинов, ресторанов и кафе было закрыто.

Англичане, отступая, взрывали мосты на канале, и Брюссель оказался разрезанным на две части. Сообщение кое-где поддерживалось частными лодочниками.

18 мая, вечером, передовые германские отряды вошли в Брюссель.

Редкие брюссельцы, проходившие в это время по Авеню де Тервюрен — широкому, обсаженному платанами бульвару в северной части города,— останавливались на мгновение, пораженные при виде первого немецкого патруля, вступившего в Брюссель со стороны Лувенского шоссе.

Хотя уже несколькими днями раньше для самых непосвященных стало ясно, что судьба бельгийской столицы предрешена и что вопрос сводится лишь к тому, будет ли Брюссель занят с боем или без боя, тем не менее первые появившиеся на улице Брюсселя немецкие солдаты вызывали какое-то ошеломление.

Это был кавалерийский патруль в составе семи человек, очень молодых, лет двадцати — двадцати двух.

Вскоре по этой же авеню проследовал открытый легковой автомобиль. В машине находилось пять немецких офицеров, один из них сидел за рулем.

Офицеры направились в здание министерства иностранных дел, где один из них тут же стал разыскивать архивы. Остальные отправились к бургомистру города Ван де Мелеброки, в Hotel de Ville (ратушу).

Вскоре над старинным зданием видавшей виды брюссельской ратуши был поднят германский флаг.

СДЕЛАЙТЕ ЭТО САМИ

БЮРО ИЗ ЯЩИКОВ

Показанное на наших чертежах бюро сделано из трех упаковочных ящиков; вместо ящиков из досок можно использовать и фанерные ящики для посылок. Это бюро служит и письменным столом и шкафчиком; оно занимает мало места, легко разбирается и удобно для перевозки. Все ящики скреплены между собой деревянными или металлическими рейками: с обеих боковых сторон самодельного бюро привинчивается по одной рейке, верхний конец которой захватывает низ верхнего ящика, а нижний — верх нижнего ящика. Для удобства перевозки все ящики снабжены скобками. Ножки заменены планками, прибитыми к днищу нижнего ящика.

Письменным столом служит передняя, откидная стенка верхнего ящика. Она удерживается в горизонтальном положении двумя цепочками. Во втором ящике, который служит шкафчиком (в нем можно сделать одну—две полки), достаточно одной цепочки посреди, которая будет удерживать откидную стенку при открывании. В нижнем ящике цепочка совсем не нужна: откидная стенка будет ложиться прямо на пол. Откидные стенки укреплены на обыкновенных дверных петлях. Когда эти стенки закрыты, они удерживаются или щеколдой или просто деревянной шпилькой, проходящей через откидную и боковую стенки. Внутренние ящички, показанные на нашем фото, можно заменить маленькими полочками для письменных принадлежностей; как те, так и другие можно сделать из фанеры. Они держатся или на деревянных планках, врезанных в боковые стенки ящика (или лежащих на рейках, привинченных к этим стенкам), или же на металлических шпенькак.

Для того чтобы бюро имело хороший вид, ящики нужно постараться выбрать без щелей, с плотно сбитыми досками и хорошенько выровнять доски: либо построгать их либо протереть шкуркой. Если доски недостаточно гладкие, их нужно прошпаклевать и покрыть масляной краской под цвет стен или обивки остальной мебели.

На рис. 2 показано бюро сбоку. Нужно иметь в виду, что цепочка, придерживающая откидную стенку, укрепляется внутри ящика, на чертеже она показана снаружи только для наглядности.

На рис. 3 дан перспективный чертеж нижнего ящика. Мы не даем размеров, потому что они зависят от того материала, который будет у вас под рукой и больше подойдет вам по месту, которым вы располагаете в комнате для этого бюро, по вашему росту и т. д.

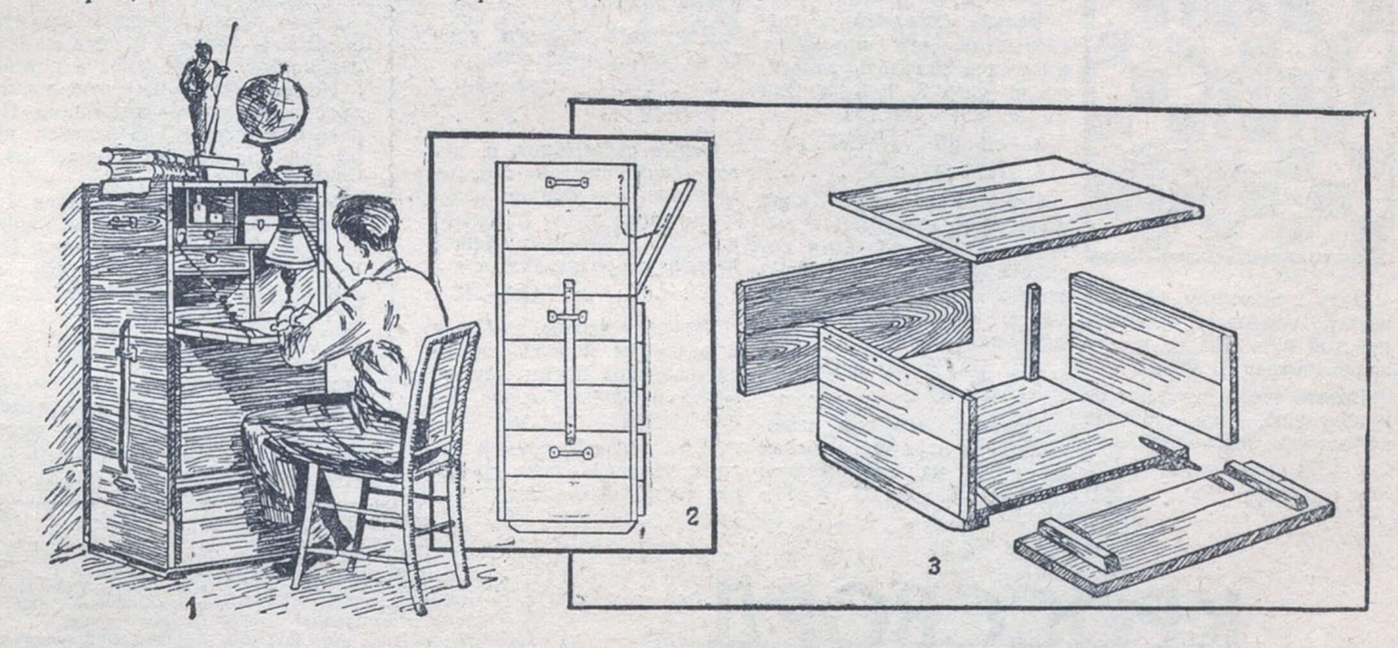

Рис. 1. Внешний вид бюро.
Рис. 2. Чертеж бюро сбоку.
Рис. 3. Перспективный чертеж нижнего ящика.

НОВОСТИ МЕДИЦИНЫ

СУЛЬФИДИН

Много лет искала медицина средств борьбы с пневмококком — возбудителем пневмонии (воспаление легких). Но только в 1938 году в Англии один из химических синтезов оказался верным средством против этого возбудителя. В том же году новое средство было приготовлено и у нас. Его назвали сульфидином.

Профессор 2-й терапевтической клиники Первой градской больницы в Москве О. М. Гельштейн рассказывает:

— Мне предстояло впервые в стране испробовать действие сульфидина на больных. Я выбрал тяжело больного. У него стойко держалась температура 40 градусов. Несколько дней он почти непрерывно бредил. Я дал ему порошок сульфидина. За сутки он принял 6 граммов этого средства. Уже к концу следующего дня температура, постепенно падая, стала нормальной. Через 7 дней после первого приема больной совершенно выздоровел.

С тех пор в нашей клинике лечилось 200 больных пневмонией. Всем мы давали сульфидин. Умерло из них трое. Они страдали очень запущенной формой воспаления легких. Остальные совершенно выздоровели. А раньше в нашей клинике умирало от пневмонии в среднем 17% взрослых больных.

В 1939 году врач Красносоветской инфекционной больницы доктор Клячко попробовала действие сульфидина на больных менингитом. Велика смертность от менингита, но и излечившиеся от него часто остаются калеками: слепыми, глухими. Опыт доктора Клячко оказался очень удачным. Как и при лечении пневмонии, сульфидин быстро ставил на ноги больных менингитом. Теперь его применяют и другие лечебные учреждения.

Успешно лечат сульфидином заражение крови и гонорею. Это чудодейственное лекарство приготовляется из продуктов перегонки каменноугольной смолы.

Отдельные граммы сульфидина были приготовлены в лаборатории Химико-фармацевтического института осенью 1938 года. Теперь сульфидин изготовляют два крупных московских завода. Они выпустили в 1940 году больше тонны, в нынешнем году будет произведено 15 тонн сульфидина. Людей, заболевших пневмонией, можно будет лечить этим беспощадным истребителем пневмококков, менингитных бактерий и стафилококков — отравителей человеческой крови.

ЛЕЧЕНИЕ ШИЗОФРЕНИИ ШОКОМ

В Психиатрическом институте Нью-Йорка с успехом применяется новый метод шоковой терапии при лечении душевных болезней, в частности шизофрении. На височные области головы больного с обеих сторон накладываются электроды, прикрепленные к специальным держателям. Проходящий через головной мозг ток определенной мощности вызывает у больного резкие конвульсии, напоминающие эпилептический припадок. После нескольких, а в ряде случаев даже после одного сеанса электрошокотерапии исследователи получили прекрасные результаты: явления шизофрении исчезали. Остается проверить стойкость этих результатов.

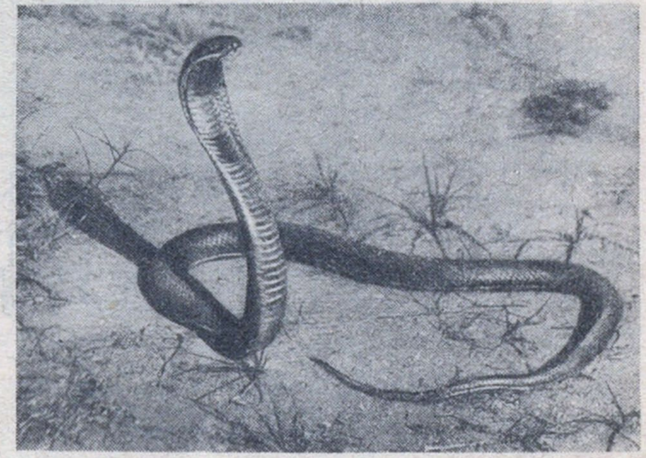
Лечение электрическим шоком дает более быстрые результаты и обходится дешевле чем шокотерапия с помощью инсулина, змеиного яда и метразола; кроме того оно не влечет за собой вредных осложнений.

ЗАМЕТКИ НАТУРАЛИСТА

ЯДОВИТЫЕ ЗМЕИ

В Средней Азии обитает сорок семь различных видов змей, но из них для человека опасны пять: кобра, эфа, гюрза, гадюка «Рекарди» и щитомордник.

У сотрудников Туркменского зоологического сада выработался большой опыт по ловле змей. Орудием служит палка средней толщины, длиною в 150 сантиметров. На одном конце палки имеется небольшой развилок, которым змею прижимают к земле, а на другом — крючок, которым змею вытаскивают из воды, щелей и зарослей.

Когда змея задержана развилком, ей осторожно наступают ногой на голову, берут пальцами за шею с затылочной стороны, под самыми челюстями, так, чтобы она не имела возможности повернуть голову и укусить. Особую осторожность нужно соблюдать с гюрзой, у которой ядовитые зубы отличаются большими размерами. Были отмечены случаи, что гюрза прокусывала себе нижнюю губу и вонзала зубы в сжимавшие ее пальцы.

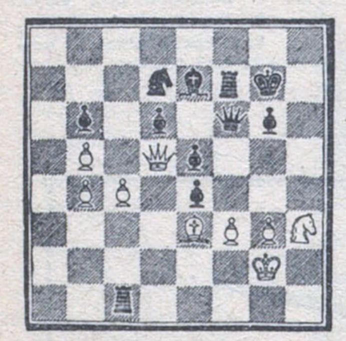
Пойманную змею сажают в мешок из плотного материала или ящик. Начинают сажать змею с хвоста и, когда она вся окажется внутри, быстро закрывают крышку или затягивают завязку мешка.

Л. Штрандт

ШАХМАТЫ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ ГРОССМЕЙСТЕРА А. КОТОВА

В происходившем шахматном чемпионате Украины, в партии Сахаров — Константиновский, получилось следующее, весьма поучительное окончание.

Белым, имеющим лишнюю пешку, следовало избрать простой путь для ее реализации, сыграв 1. Ф : e4.

Вместо этого они идут на комбинацию, не замечая эффектного опровержения.

1. Kh3—g5? e4 : f3+
2. Kpg2—f2 . . .

Здесь еще не поздно было отказаться от неправильной идеи и сыграть 2. К : f3 или 2. Ф : f3 Ф : g5 3. С : g5! Л : f3 4. С : e7 с равным эндшпилем.

2. . . . Фf6 : g5!!

Превосходная жертва ферзя за две фигуры.

Белые, повидимому, рассчитывали, что противник вынужден отходить ладьей, после чего 3. Ke6 давало им лишнее качество.

3. Ce3 : g5 Ce7 : g5
4. Лc1—e1 . . .

Отнимая у черного коня поле e4 и рассчитывая выиграть пешку d6. Хотя позицию белых нельзя расценивать как безнадежную, но найти правильную защиту для них нелегко.

4. . . . Kd7—f6
5. Фd5—e6 . . . .

Полагая, что они защитились от всех угроз, белые не идут на относительно лучшее 5. Ф : d6 Kg4+ 6. Kpf1 Ce3 7. Лb1 с последующей жертвой ладьи за пешку f3.

5. . . . Cg5—d2!
6. Лe1—e3 . . .

Теперь уже 6. Ф : d6 не проходит, ввиду 6... С : e1+ 7. Kp : e1 f2+ 8. Kpf1 Kg4 и выигрывают.

Допускать черного коня на e4 также невозможно

6. . . . Cd2 : e3+
7. Kpf2 : f3 . . .

Белые растерялись и, делая свой шестой ход, не заметили, что они не могут брать слона ввиду 7. Kg4+! и 8. . . f3—f2 с лишней ладьей у противника.

7. . . . Ce3—d4

Теперь у черных вдобавок к атаке на короля еще и материальное преимущество. Через несколько ходов белые сдались.

Поучительный пример того, к чему приводит излишнее «комбинирование».

ПОЧЕМУ МЫ ТАК ГОВОРИМ

АТЛАС

В 1595 году вышел в свет сборник географических карт Меркатора. На первой странице сборника был изображен Атлант (по-гречески Атлас), который, по верованиям древних, поддерживал небесный свод. Со времени выхода этой книги собрания географических карт стали называться атласами.

ГОВЯДИНА

Баранье мясо — баранина, телячье — телятина, куриное — курятина, а бычье мясо — почему-то говядина. Дело в том, что производное слово «говядина» в русском языке осталось, а «говядо» вымерло. Говядо — так в древней Руси назывались быки, волы, коровы.

ИНДЕЕЦ

Своим происхождением это слово обязано исторической ошибке. В конце XV века из Испании отправились на запад каравеллы Колумба в поисках прямого морского пути в Индию. Землю, которую достиг Колумб, он считал Индией, а туземцев — индейцами. Позже была выяснена историческая ошибка, но жители нового материка сохранили до сих пор название «индейцы».

ЧЕРЕСЧУР

У древних славян почитался Чур, или Щур. В нем воплощались культ предков (вспомните выражение «мой пращур») и бог домашнего очага. От деревянных изображений Чура, повидимому, родилось слово «чурбан». Человек, переходивший «через Чур», попадал в чужое владение. Отсюда же слова «чураться» и «чур меня».

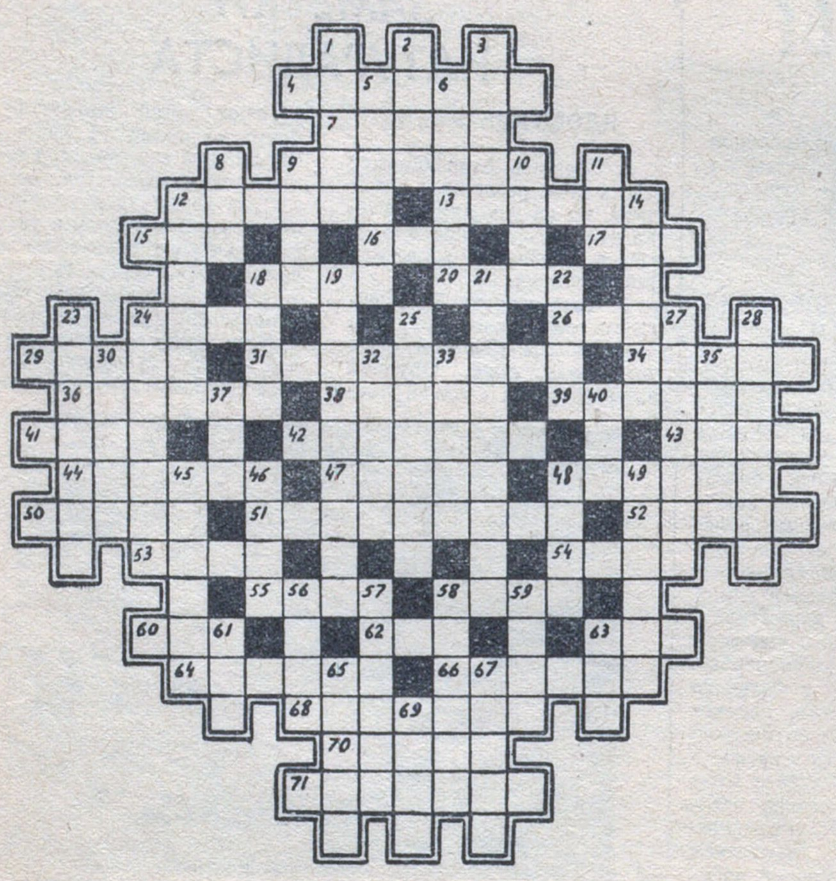
ЛЕБЕЗИТЬ

Некоторые русские слова произошли от иностранных несколько необычным образом. Так например слово «лебезить» создалось из целой немецкой фразы. Не знавший иностранных языков народ определил словом «лебезить» поведение иностранцев, часто повторявших «их либе зи» («я вас люблю»).

И. Уразов

КРОССВОРД

СОСТАВИЛ ЧИТАТЕЛЬ «ОГОНЬКА» А. ШЕСТОВ

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

4. Столица Венецуэллы.
7. Один из аллюров лошади.
9. Пластическая масса.
12. Вид театрального представления.
13. Часть мясной туши.
15. Минеральное удобрение.
16. Строительный материал.
17. Восточный титул.
18. Птица.
20. Застольная речь.
24. Бесколесная повозка.
26. Спиртной напиток.
29. Нагорье в Азии.
31. Одна из профессий в области печати.
34. Растение.
36. Повозка.
38. Инструмент плотника.
39. Метод исследования.
41. Часть Лондона.
42. Хищный зверек.
43. Провинция в Алжире.
44. Род попугаев.
47. Позумент.
48. Приток Енисея.
50. Искусственное русло.
51. Пушной зверек.
52. Вращающаяся часть электромашины.
53. Озеро в Абиссинии.
54. Семитское божество.
55. Порода, содержащая полезные ископаемые.
58. Горная порода.
60. Абиссинский военачальник.
62. Отрицание.
63. Название произведения Гоголя.
64. Феодальные дворяне на Кавказе.
66. Подавленное настроение.
68. Озеро в СССР.
70. Город в Италии.
71. Артиллерийский чин в некоторых армиях.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Потемнение кожи тела под влиянием солнечного света.
2. Город во Франции.
3. Французский физиолог.
5. Снаряд, употребляемый в пиротехнике.
6. Исполин.
8. Многолетний морской лед в полярных бассейнах.
9. Основание.
10. Группировка английской буржуазии, возникшая в эпоху реставрации Стюартов.
11. Растение.
12. Растительный яд.
14. Закрепощение.
18. Оружие.
19. Сад, виноградник.
21. Принадлежность стрелка.
22. Сосуд.
23. Папская резиденция.
24. Минерал.
25. Птица.
27. Газета, издававшаяся Герценом.
28. Название нескольких видов рыб.
30. Болотный газ.
32. Деятель французской буржуазной революции.
33. Геометрическое тело.
35. Морской разбойник.
37. Единица летосчисления.
40. Река в Германии.
45. Горные хребты в Азии.
46. Потеря в весе волокнистых веществ при обработке.
48. Плодовое дерево.
49. Полуостров в Азии.
56. Скала.
57. Химическое вещество.
58. Холодное оружие.
59. Шолковая ткань.
61. Особая форма рельефа.
63. Подводная скала.
65. Река в Европе.
67. Вид искусства.
69. Неполноправный член общества в древней Спарте.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД В ШАРАДАХ, ПОМЕЩЕННЫЙ В № 2 «ОГОНЬКА»

СЛОВА ПО ОКРУЖНОСТЯМ:

1. А-порт. 3. К-омар. 5. Ум-бра. 7. Ар-е-на. 9. Ре-да-н. 10. Ра-м-па. 11. Ер-мак. 12. Но-сок. 13. Т-омск. 14. Ты-ква. 15. Р-уса-к. 16. Риф-ма. 17. База-р. 18. Та-пи-р. 19. Кар-та. 20. Лен-та. 21. И-рина. 22. Ива-си. 23. Арба-т. 24. В-анна. 25. Ми-л-он. 26. Ре-бус. 27. К-урок. 28. Он-е-га. 29. Ним-фа. 30. А-на-па. 31. А-лена. 32. То-вар.

СЛОВА ПО РАДИУСАМ:

1. А-н-тракт. 2. Тракт-ор. 3. Кара-ван. 4. Ре-к-лама. 5. У-к-ра-и-на. 6. А-на-бар-а. 7. Акт-рис-а. 8. Ар-к-тик-а.

Ответственный редактор ЕВГЕНИЙ ПЕТРОВ. ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА».

Адрес редакции: Москва, 40, улица «Правды», 24. Тел. Д 3-31-69. Неприпятые рукописи и кроссворды не возвращаются.

А 35328 3 п. л. 8н. в п. л. 105 000. Подписано к печати 24/I—41 г. Изд. № 98. Зак. № 4516. Тираж 300 000 экз.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

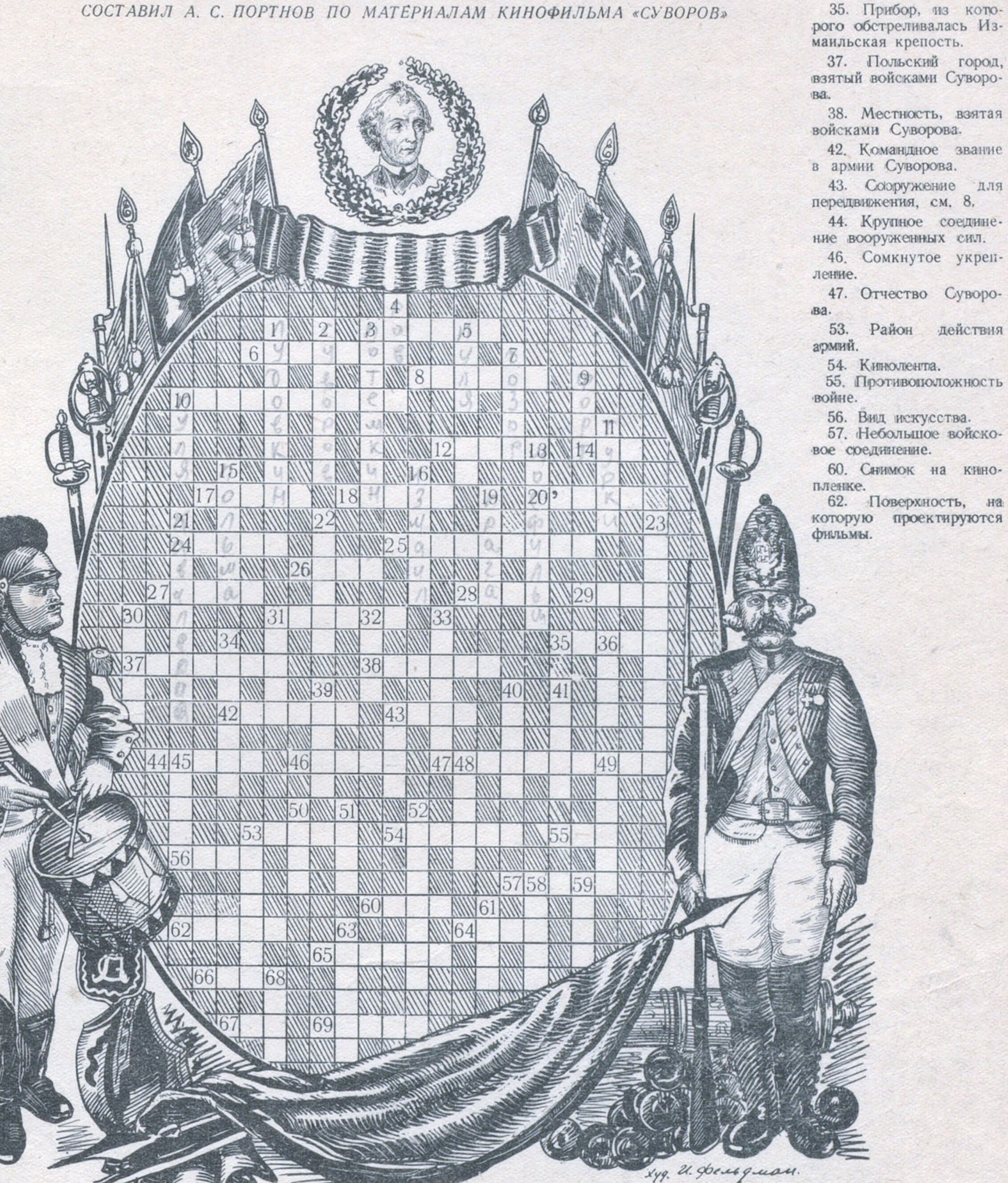
КРОССВОРД

СОСТАВИЛ А. С. ПОРТНОВ ПО МАТЕРИАЛАМ КИНОФИЛЬМА «СУВОРОВ»

В каждой незаштрихованной и в каждой нумерованной клетке проставьте по одной букве так, чтобы читались слова следующих значений:

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Режиссер кинофильмов «Суворов», «Мать», «Потомок Чингисхана» и др.
2. Величайший русский полководец, которому посвящен недавно выпущенный фильм.
3. Екатерининский вельможа.
4. Составная часть укреплений.
5. См. 10.
7. Орган разведки и охранения.
9. Самостоятельная часть крепости.
10 и 5. Суворовская характеристика огнестрельного оружия.
11. Обладатели Измаила в момент его штурма суворовскими войсками.
13. Киностудия.
15. Государство, безуспешно воевавшее с суворовскими войсками.

16. Неприступная крепость, взятая войсками Суворова.
19. Предместье Варшавы, взятое суворовскими войсками.
21. Один из родов войск, удачно применявшийся Суворовым.
22. Имя ординарца Суворова.
23. Генерал, друг Суворова.
30. Совещательный орган при Суворове.
31. Основной тактический прием Суворова.
32. Могущественный недруг Суворова.
33. Атаман, сподвижник Суворова.
34. Сражение.
36. Головной убор суворовских солдат.
39. Имя российского царя в период деятельности Суворова.
40. Столица государства, войскам которого нанесли поражение суворовские, а затем и кутузовские войска.
41. Кинокартина.
43. Произведение Горького, экранизированное режиссером фильма «Суворов».
45. Определение Суворовым своей национальной природы.
48. Место «боя».
49. Команда о наступлении.
50. Естественные препятствия в италийском походе Суворова.
51. Орган управления войсками.
52. Место, откуда производится наступление.
53. Местность, взятая суворовскими войсками.
58. Надписи в кинокартине.
59. Пушечный снаряд суворовского времени.
61. Элемент, с введением которого фильм перестает быть «немым».
63. Армия.
68. Важнейшее массовое искусство.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

3. Результат сражений, проведенных Суворовым.
6. Известный полководец — ученик Суворова.
8 и 43. Легендарное сооружение, геройски форсированное войсками Суворова.
10. «Специальность» Суворова.
12. Кульминационный момент осады крепости.
14. Предатель в штабе Суворова.
17. Вооруженная борьба.
18. Титул Багратиона.
20. Технологический процесс производства фильма.
24. Горная система, через которую Суворов совершил знаменитый переход.
25. Любимец Суворова, участник его походов.
26. Боец.
27. Сабля, применявшаяся в армии Суворова.
28. Старинное название русского войска.
29. Искусство, смежное с кино.
31. Суворовская воинская часть.
35. Прибор, из которого обстреливалась Измаильская крепость.
37. Польский город, взятый войсками Суворова.
38. Местность, взятая войсками Суворова.
42. Командное звание в армии Суворова.
43. Сооружение для передвижения, см. 8.
44. Крупное соединение вооруженных сил.
46. Сомкнутое укрепление.
47. Отчество Суворова.
53. Район действия армий.
54. Кинолента.
55. Противоположность войне.
56. Вид искусства.
57. Небольшое войсковое соединение.
60. Снимок на кинопленке.
62. Поверхность, на которую проектируются фильмы.
64. Условие, необходимое при киносъемке.
65. См. 67.
66. Холодное оружие.
67 и 65. Взятая войсками Суворова Альпийская возвышенность.
69. Защитные углубления для стрелков.

✪ ✪ ✪

Если сразу не удалось заполнить все клетки кроссворда, то закончить его решение рекомендуется после просмотра фильма «Суворов».

Цена 50 коп.

ПРИЕМ в ВОЕННО-МОРСКИЕ УЧИЛИЩА ВМФ в 1941 г.

В 1941 году ПРОИЗВОДИТСЯ НАБОР в следующие военно-морские училища ВМФ:

ВЫСШЕЕ ВОЕННО-МОРСКОЕ ОРДЕНА ЛЕНИНА КРАСНОЗНАМЕННОЕ УЧИЛИЩЕ имени М. В. ФРУНЗЕ (Ленинград, В. О., наб. лейтенанта Шмидта, 17).

ЧЕРНОМОРСКОЕ ВЫСШЕЕ ВОЕННО-МОРСКОЕ УЧИЛИЩЕ (г. Севастополь, почтовый ящик № 147).

ТИХООКЕАНСКОЕ ВЫСШЕЕ ВОЕННО-МОРСКОЕ УЧИЛИЩЕ (г. Владивосток, почтовый ящик № 376).

КАСПИЙСКОЕ ВЫСШЕЕ ВОЕННО-МОРСКОЕ УЧИЛИЩЕ (г. Баку, Зых. почтовый ящик № 264).

Перечисленные училища готовят начальствующий состав Военно-Морского Флота, способный исполнять обязанности вахтенных командиров, обладающих теоретической подготовкой, достаточной для дальнейшего продвижения, по окончании Высших Специальных Курсов ВМФ, до командира корабля включительно.

Срок обучения 4 года.

ВЫСШЕЕ ВОЕННО-МОРСКОЕ ГИДРОГРАФИЧЕСКОЕ УЧИЛИЩЕ имени Г. К. ОРДЖОНИКИДЗЕ (Ленинград 112, почтовый ящик № 450). Готовит командиров-гидрографов.

Срок обучения 4 года.

ВОЕННО-МОРСКОЕ УЧИЛИЩЕ БЕРЕГОВОЙ ОБОРОНЫ имени ЛКСМУ (Севастополь, Корабельная сторона). Готовит командиров береговой обороны ВМФ.

Срок обучения 3 года.

ВЫСШЕЕ ВОЕННО-МОРСКОЕ ОРДЕНА ЛЕНИНА ИНЖЕНЕРНОЕ УЧИЛИЩЕ имени Ф. Э. ДЗЕРЖИНСКОГО (Ленинград, гл. Адмиралтейство). Готовит инженеров для Военно-Морского Флота.

ФАКУЛЬТЕТЫ: а) паросиловой, б) дизельный, в) электротехнический, г) кораблестроительный.

Срок обучения 5 лет.

ВЫСШЕЕ ВОЕННО-МОРСКОЕ ИНЖЕНЕРНО-СТРОИТЕЛЬНОЕ УЧИЛИЩЕ (Ленинград, ул. Каляева, 22). Готовит инженеров-строителей для ВМФ.

ФАКУЛЬТЕТЫ: а) фортификационных сооружений, б) строительства военно-морских баз.

Срок обучения 5 лет.

ВОЕННО-МОРСКАЯ МЕДИЦИНСКАЯ АКАДЕМИЯ (г. Ленинград, Фонтанка, 106). Готовит военно-морских врачей для кораблей и частей ВМФ.

Срок обучения 5 лет.

ВОЕННО-МОРСКОЙ ФАКУЛЬТЕТ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА ГОСУДАРСТВЕННОЙ КОНСЕРВАТОРИИ (Ленинград, Театральная пл., 3) Готовит капельмейстеров для ВМФ.

Срок обучения 4 года.

ВОЕННО-МОРСКОЕ МЕДИЦИНСКОЕ УЧИЛИЩЕ ВМФ (г. Кронштадт). Готовит средний медицинский персонал для кораблей и частей ВМФ.

Срок обучения 2 года.

ВОЕННО-МОРСКОЕ ХОЗЯЙСТВЕННОЕ УЧИЛИЩЕ ВМФ (г. Выборг, п/я 72). Готовит административно-хозяйственный состав ВМФ.

Срок обучения 2 года.

В УЧИЛИЩА ПРИНИМАЮТСЯ ГРАЖДАНЕ СОЮЗА ССР МУЖСКОГО ПОЛА в возрасте от 17 до 22-х лет, имеющие законченное среднее образование.

ПРИЕМ ЗАЯВЛЕНИЙ ПРОИЗВОДИТСЯ с 1 января по 1 июля 1941 года. ПОДРОБНЫЕ ПРАВИЛА ПРИЕМА ВЫСЫЛАЮТСЯ УЧИЛИЩАМИ ПО ЗАПРОСУ.

УПРАВЛЕНИЕ ВОЕННО-МОРСКИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ